

АНТИЧНЫЙ
МИР

ИСТОРИЯ АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

В.П.
Бузескул

Античный мир

Владислав Бузескул

История афинской демократии

«ВЕЧЕ»

Бузескул В. П.

История афинской демократии / В. П. Бузескул — «ВЕЧЕ»,
— (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-7798-0

Книга выдающегося российского историка Античности Владислава Петровича Бузескула (1858—1931), впервые изданная в 1909 г., может быть названа одним из самых серьезных исследований политической истории Афинской республики на русском языке. Несмотря на более чем вековой возраст, труд Бузескула не потерял своей научной ценности. Полнота фактов, безупречность научных суждений и хорошее литературное изложение делают книгу увлекательной и доступной для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4484-7798-0

© Бузескул В. П.
© ВЕЧЕ

Содержание

Предисловие	5
Введение	6
Общий ход греческой истории с VIII по VI в. до Р.Х.	6
Падение царской власти и владычество знати	6
Колонизация, экономический переворот и возвышение демоса	10
Борьба демоса с аристократией и тирания	14
Демократия в Афинах	19
I. Начало	19
Переход от монархии к архонтату	19
Килонова смута, законодательство Драконта и экономический кризис	24
Солон	30
Новые смуты и тирания Писистратидов	39
Реформы Клисфена	45
II. Расцвет	54
Эпоха Греко-персидских войн	54
Первые годы Пятидесятилетия. Кимон и Эфиальт	62
Реформа ареопага. Суд присяжных, совет и народное собрание	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Бузескул Владислав Петрович

История афинской демократии

Предисловие

Едва ли надо говорить о том, какой интерес может представлять история афинской демократии, особенно если стать на точку зрения современного направления в области изучения греческой древности. С этой точки зрения античный мир является нам не миром *sui generis*, далеким и чуждым, а близким и понятным, имеющим много аналогий с так называемыми Средними и новыми веками и с современностью. «В древности преобладали, хотя на гораздо меньшем пространстве и в иных формах, те же влияния и противоположности, которые управляют и современным развитием», – говорит, например, Эд. Мейер, автор новейшей капитальной «Истории древности». «Древний мир волновали те же жизненные вопросы, которые еще и теперь, отчасти не решенные, занимают каждого мыслящего человека», – такова основная идея, которая красной нитью проходит через работы другого видного представителя современной исторической науки, Р. фон Пёльмана, интересующегося преимущественно социально-экономическими отношениями в древности. . . Направление это иногда впадает в крайность, слишком модернизирует древность, но в его основе много верного.

Издаваемая книга посвящена предмету, которого отчасти я касался еще в работе моей молодости – в «Перикле» (1889), – назад тому двадцать лет, и затем в своем исследовании об «Афинской политике» Аристотеля (1895). Многие страницы из этих работ в нее вошли – конечно, с необходимыми изменениями. Кроме того, в основу ее легли соответствующие отделы общего курса греческой истории, читаемого мной в Харьковском университете. Можно сказать, что настоящая книга представляет собой обработку главной части этого курса.

При изложении истории афинской демократии я имел в виду не только самый строй и учреждения, но и среду, воззрения, настроения. Этим объясняется, почему я так часто пользуюсь Аристофаном или, например, Еврипидом. Я старался взглянуть на афинскую демократию объективно, по возможности изобразить ее такой, какой она была в действительности, с ее светлыми и темными сторонами, не черняя и не идеализируя ее, ибо, говоря словами «старого мастера исторической науки» Л. Ранке, идеал всегда заключается в том, чтобы представить историческую правду, – «denn Ideal ist immer die historische Wahrheit der Welt zu vergegenwärtigen».

Эту книгу я предназначаю не столько для специалистов, сколько для более широкого круга – для университетских слушателей, для ищущих самообразования, для интересующихся историей, в особенности историей политических форм. Поэтому я избегал вдаваться в мелкие подробности, касаться запутанных и спорных вопросов, пускаться в сколько-нибудь рискованные гипотезы. Я не желал загромождать книгу подстрочными примечаниями и ограничился лишь самыми необходимыми, краткими библиографическими указаниями и ссылками, не отмечая подробно в каждом отдельном случае, кому и чем я обязан, что мной заимствовано и в чем я расхожусь с другими. В конце приложены список важнейших общих трудов по истории Греции и афинской демократии, поправки и добавления. Подробные ссылки и указания на источники и новую литературу можно найти у Бузольта.

В. Бузескул
Харьков. 1908 г., 24 ноября

Введение

Общий ход греческой истории с VIII по VI в. до Р.Х

Падение царской власти и владычество знати

В эпоху так называемой микенской культуры, которую открыл Шлиман и расцвет которой относится приблизительно за полторы тысячи лет до Р. Х., в Греции была сильная монархическая власть, хотя и тогда единого государства там, по-видимому, не существовало. Памятники того времени – «циклопические» стены из колоссальных каменных глыб; обширные дворцы, богато украшенные, с живописью на стенах, иногда с целым лабиринтом зал, коридоров и комнат, с магазинами и кладовыми для запасов; могилы, очевидно – царские, то в виде шахт или глубоких ям, в которых тела иных покойников оказываются засыпанными драгоценностями всякого рода, то в виде величественных куполообразных сооружений, роскошно отделанных, – все это красноречиво говорит нам не только о сравнительно развитой технике, о богатой внешней культуре, некогда процветавшей преимущественно по берегам и островам Архипелага, о тесных сношениях с восточными странами и т. п., но и о типе государств микенской эпохи, о том, что тогдашние цари были могущественными властелинами, что в их распоряжении сконцентрированы были силы подвластного им населения, масса рабочих рук, огромные материальные средства.

Среди переворотов, наступивших в конце II тысячелетия до Р. Х., – тех племенных переселений, из которых главным является вторжение дорийцев в Пелопоннес, – пали «микенские» царства и пышная микенская культура. Цари последующей, гомеровской эпохи (за 1000—800 лет до Р. Х.), известной нам по «Илиаде» и «Одиссее», резко уже отличаются от царей эпохи микенской, строителей громадных стен, дворцов и гробниц. Правда, они царствуют «божьей милостью», получают скипетр от самого Зевса; но это – не восточные деспоты и не монархи со всей полнотой неограниченной власти: гомеровский царь, особенно в «Одиссее», скорее *primus inter pares*, первый между равными; его окружают представители знатных родов, «геронты», «старцы» или старейшины, с которыми он «думает», совещается и делит свою власть; это – его сотрапезники, советники и ближайшие помощники.

В гомеровскую эпоху существует и народное собрание, которое в «Илиаде» тождественно с собранием войска, аналогично тому, что мы видим и у древних германцев. Но роль этого собрания еще ничтожна. Обыкновенно ему оставалось лишь выслушивать решение царя и геронтов. Голосования не происходило, и собрание выражало свое одобрение бурным криком, по выражению поэта, подобным шуму, когда ветер вздымает «волны огромные моря» и бросает валы о нависший утес или когда «бурный зефир наклоняет высокую ниву, то подымаясь грозно, то падая вдруг на колосья». Иногда отдельные личности вроде Терсита решаются выступить с резкой речью против вождя-царя, но масса не поддерживает их; народ смеется и выражает сочувствие Одиссею, когда тот наносит побои Терситу («Илиада», II песнь).

В период с VIII до VI до Р.Х. столетия включительно мы видим в Греции ряд важных внутренних переворотов или, точнее, перемен: падение царской власти и господство аристократии, затем борьбу народа, демоса, против этой аристократии, владычество тиранов и, наконец, переход к демократии или к более умеренной аристократии. Перемены эти совершаются с замечательной последовательностью и происходят почти повсеместно в Греции. Уже одна эта повсеместность показывает, что они вызваны были не частными, случайными причинами,

а причинами более общими и глубокими, коренившимися в самом ходе развития греческого общества, – в том историческом процессе, который совершался тогда в Греции.

К середине VIII в. монархическая власть исчезает почти всюду в Греции. Как исключение и своего рода «культурный пережиток», сохранилась она в Аргосе, в Спарте да на окраине греческого мира, у отставших в культурном отношении полуварварских племен, например у молоссов в Эпире. Но в Аргосе, где цари упоминаются еще во время Персидских войн, это была лишь тень прежних монархов; в Спарте царская власть тоже утратила свое настоящее значение, свою сущность, и сохранила скорее лишь внешние атрибуты.

Падение монархии в Греции произошло постепенно, без крупных потрясений. Уже в гомеровскую эпоху царь был в сущности только первым между равными ему представителями знатных родов. Между царем и его родом, с одной стороны, и знатными, могущественными фамилиями – с другой, не было резкой разницы; их не отделяла какая-либо непроходимая грань. Знатные, подобно царю, нередко вели свое происхождение от богов и героев; их тоже называли иногда «царями». В период переселений и завоеваний царская власть была еще необходима; но по миновании его миновала необходимость и в царской власти. Теперь уже не было такой нужды в сосредоточении власти в одних руках. Самые природные условия Греции, устройство ее поверхности, далеко не способствовали образованию единого государства с сильной центральной властью. В Древней Греции всегда было много отдельных, самостоятельных небольших государств, и там развился тип государства-города. А в таких небольших государствах легко было обойтись и без царя. Притом тут особа царя не могла быть окружена ореолом величия подобно тому, как на Востоке; она не казалась чем-то таинственным и грандиозным; она была, так сказать, на виду у всех, со всеми ее человеческими слабостями и недостатками. Наконец, царь гомеровской эпохи в своем лице соединял обязанности военачальника, правителя, судьи и жреца. Но с течением времени политическая жизнь развивалась. Отношения делались сложнее, и являлась необходимость в расчленении прежде единой власти.

Монархия прежде всего падает в греческих колониях, в городах малоазийского побережья: здесь легче было отрешиться от прошлого, от традиционного уважения к царской власти; на новой почве, среди новых условий, легче было возникнуть и новому порядку, новым формам политической жизни, не говоря уже о том, что в этих колониях, особенно в Ионии, исторический процесс вообще совершался быстрее и скорее обнаруживались новые явления в жизни греческого общества.

Итак, в VIII столетии до Р. Х. монархия в Греции уступает место аристократии, причем эта перемена совершается большей частью не путем революции, а путем эволюции. Иногда власть от царя переходит в руки целого царского рода. Так было, например, в Коринфе, где стала властвовать фамилия Бакхиадов, к которой принадлежали и прежние цари. Случалось, что потомки царей удерживали свой титул; за ними оставались жречество и некоторые привилегии или же этот титул переносился на сановника и членов коллегии, носивших обязанности сакрального характера.

Новейшие ученые – и в их числе Эд. Мейер, автор капитальной «Истории древности», – называют период от переселения племен и до возвышения демоса, эпоху Гомера и могущества знати, греческим «средневековьем». И действительно, в тогдашней Греции мы видим черты, напоминающие нам Средние века Западной Европы. Общественные группы и наследственные сословия резко разграничены. Господствующее положение занимает землевладельческая военная знать, разделенная на роды (γένος), проникнутая сословным сознанием, корпоративным духом, сражающаяся сначала на колесницах, потом верхом на коне, любящая войну, рыцарские подвиги, охоту и пиры. При дворах знатных певец – желанный гость; это – эпоха героической песни, позднее – лирики и новеллы. Чем для средневекового Запада были рыцарские турниры, тем для греков того времени были Олимпийские и им подобные игры, с их ристаниями и состязаниями. Слабый ищет защиты сильного, и у тогдашних аристократов Греции была

многочисленная клиентела. Мы видим крестьян в положении людей более или менее зависимых, начиная от смягченных форм крепостничества и до полной закабаленности; видим господство натурального хозяйства, по крайней мере, в первой половине греческого Средневековья, ремесло – презираемым и мало развитым¹...

Аристократы как класс носили в Греции различные названия: их называли обыкновенно «хорошими», «лучшими» (*ἀριστοί*, отсюда и самое слово «аристократия» и «аристократы»), «благородными»; «эвпатридами», иногда «богатыми» и даже «жирными», подобно тому, как в Средние века в Италии городской патрициат назывался *popolo grasso*. Простой народ противопоставлялся им как «дурные», «худые» или «худшие», «подлые» люди.

Основой могущества и влияния греческой знати было, во-первых, происхождение. Если впоследствии даже в демократических Афинах благородное происхождение имело большое значение и считалось «великим и почетным жребием»; если еще Аристотель говорил, что в наилучшем государстве ремесленник не пользуется правом гражданства, что тот, кто ведет жизнь ремесленника или поденщика, не может развивать в себе гражданской доблести, что для этого и для участия в государственных делах нужен досуг; то тем более во времена греческого Средневековья и владычества аристократии господствовало убеждение, что только знатный и богатый человек, не обремененный заботами о насущном хлебе, может заниматься государственными делами. Ремесленники и вообще демос, трудящийся в поте лица, еще считались не достойными принимать участие в управлении.

Но могущество знати основывалось не на одном только происхождении. В те времена знатность соединялась с богатством и аристократы были в пору своего владычества самым богатым классом в Греции. В их руках сосредоточивалась крупная земельная собственность. Кроме того, у знатных были многочисленные стада скота. Но особенно любили они содержать коней: хорошие кони – необходимая принадлежность тогдашнего аристократа; это – его гордость. Высшее сословие в некоторых греческих городах даже носило название «всадники». В домах знати имелись богатые запасы металлов, оружия, утвари, всякого рода припасов, вина и проч. Когда впоследствии стала развиваться торговля и возвысился торговый класс, то аристократы, например, Эгины и некоторые другие, приняли участие и в торговом движении. Но все же землевладение оставалось главной основой богатства знати.

Аристократы были и главной военной силой. Еще Аристотель принципом аристократии выставлял доблесть, подобно тому как принципом демократии, по его словам, была свобода. Располагая материальными средствами и досугом, аристократы могли проходить школу своего рода рыцарского воспитания; они могли предаваться военным упражнениям, гимнастике, играм и т. п. В ту пору главную силу на войне составляла конница. Но чтобы иметь колесницу и соответствующее вооружение, содержать коней, нужно было располагать большими средствами, слугами, челядью. Всем этим располагали аристократы. Аристотель по этому поводу замечает, что тем, кто небогат, нелегко содержать коней; поэтому в древние времена в городах, сила которых была в коннице, господствовала олигархия.

Аристократы были обладателями и тогдашнего образования. Оно было еще мало распространено и тоже соединялось обыкновенно со знатностью и богатством. Аристократы являлись знатоками и толкователями обычаев и права, хранителями старины и традиции. Они были судьями и жрецами; некоторые жреческие обязанности связаны были с известными фамилиями.

Таким образом, в те времена аристократия была не только политической, но и социальной, военной и культурной силой. Немудрено, что ей принадлежало владычество.

---

¹ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. II. Stuttgart, 1893. S. 291 f. Ср. также у К.Ю. Белоха, Р. фон Пельмана и др.; кроме того: Dondorff H. Adel und Bürgertum im alten Hellas // Historische Zeitschrift. Bd. LXVII. 1891. S. 212 f.

И в лучшую свою пору аристократия смотрела на свое владычество не только как на право и привилегию. Она понимала, что *noblesse oblige*. Она служила обществу и государству, и в мирное, и в военное время, в совете и на поле битвы. Она отправляла дорого стоившую военную службу и щедро выполняла общественные повинности. Тогда аристократы в известном смысле действительно были *ἀριστοί* «лучшие» мужи, и с честью несли лежавшие на них обязанности.

Но с течением времени замечается нравственный упадок аристократии, деморализация и разложение ее. Сыновья часто не были похожи на своих отцов, которые, как мы сказали, с честью несли свою службу государству и обществу. Новые поколения расточали богатства, предавались наслаждениям, забавам и роскоши. Недаром издавались законы против излишней пышности. Сыновья знатных росли среди неги и роскоши, тогда как молодое поколение демоса среди труда и забот закалялось в борьбе за существование. Наконец среди аристократии обнаруживается и разлад, происходят раздоры и соперничество, борьба отдельных лиц и фамилий за власть. Разумеется, это не могло способствовать упрочению могущества знати.

Было время, когда знатный человек оказывал во многих случаях покровительство и защиту слабому, простому, когда он был для демоса «кремлем и башней», по выражению поэта². Но, в общем, положение народной массы с падением царской власти не улучшилось, а скорее ухудшилось. Прежде царь мог стать посредником между знатными и простым народом; в его даже интересах было оказывать покровительство демосу, чтобы иметь в нем опору против могущественной знати и ее притязаний. Теперь же простой народ был всецело в руках правящей аристократии, и ее владычество вскоре стало для него тяжелым игом. К тому же с VII в. в экономической жизни Греции происходит перемена, которой мы будем еще касаться и которая не могла не повлиять на ухудшение отношения знатных к народной массе: начинается переход к денежному хозяйству, появляются первые признаки капитализма, обнаруживается страстная погоня за деньгами. Прежние патриархальные отношения уступают место эксплуатации и большему произволу. Тут влияли не только личная корысть и алчность, но и более общие причины. С распространением денег и с переходом от чисто натурального хозяйства к денежному цены повышались, жизнь становилась дороже. А между тем *noblesse oblige* (благородное происхождение обязывает, *фр.* – *Примеч. ред.*). Родовой знати приходилось состязаться с возвышавшимся новым классом, богатыми купцами, промышленниками, своего рода капиталистами. Надо было поддержать свое достоинство, сохранить общественное положение, соответственное знатности. Иные аристократы сами принимались за торговлю; но для большинства земля оставалась по-прежнему главным источником дохода, и чтобы добыть новые средства, приходилось выжимать их из земли, повышать с крестьян аренды, поборы, повинности, без пощады относиться к неисправным плательщикам.

Слабому трудно было найти правды и защиты против сильного: и господами, и судьями были знатные. Жалобы на тяжелую долю земледельца, на беззащитность слабого и в особенности на отсутствие правды в судах, мы встречаем уже за 700 лет до Р. Х. у Гесиода в его «Трудах и днях»³. Мрачными красками рисует Гесиод современный ему век – «век железный», когда люди обречены весь день страдать от труда и тяжелых забот, не иметь отдыха даже ночью. «Позднее родиться или раньше умереть» хотел бы поэт, чтобы только не быть современником этого поколения, испорченного и преступного. Но зло станет еще хуже, и тогда, «прикрыв прекрасное тело одеждой белой, с земли широкой улетят на небо и Стыд, и Совесть», оставив смертным людям тяжкие печали, и не будет защиты против зла. В поучение правителям⁴

---

² Феогнида, ст. 234, *Poetae lyrici Graeci*. Lips. 1866. 11).

³ Есть русский перевод Г.К. Властова. СПб., 1885.

⁴ Гесиод называет их βασιλείς, «цари»; но, вероятно, тут следует подразумевать знатных, в руках которых был суд: титул «цари» применялся и к ним, а из контекста видно, что речь идет главным образом о судьях.

Гесиод приводит басню о ястребе и соловье. Ястреб схватил соловья «сладкозвучного» и нес его высоко в облаках, вонзив в него свои кривые когти, и когда тот начал жалобно стонать, то ястреб обращается к нему с такими словами: «Чудак! Чего ты кричишь? Ведь ты во власти более сильного. И отправишься туда, куда потащу, хоть ты и певец. Захочу – съем, захочу – выпущу. Безумец тот, кто захочет бороться с сильным: и победы лишится он, и сверх того испытает горечь унижения». «Так говорил быстролетный ястреб, ширококрылая птица». Неправый торжествует благодаря правителям-«дароедам», по выражению Гесиода, т. е. берущим подарки, взятки. В судах нет правды: ее изгнали правители-«дароеды», которые, как хотят, так и судят и постановляют несправедливые решения. Поэт грозит гневом и карой Зевса, который все видит, все наблюдает – и правду, и злые дела – и который каждому воздаст по делам. Есть еще дева Дика, Правда, рожденная от Зевса, и она ему поведает о нанесенных ей обидах, о несправедливости людей.

Неудивительно, что владычество аристократии стадо вызывать неудовольствие и ропот, и против этого владычества обнаружилась оппозиция.

Между тем в Греции наступали новые условия, которые в свою очередь отразились неблагоприятно на положении аристократии, и выдвигался новый класс – возвышался демос.

Тут мы должны обратиться к другим сторонам того исторического процесса, который совершался тогда в Греции.

Колонизация, экономический переворот и возвышение демоса

Было бы ошибочно думать, будто историческая жизнь тогдашней Греции сосредоточивалась преимущественно в таких пунктах, как, например, Спарта или Афины. По верному замечанию одного историка, центр тяжести греческой истории от 1-й Олимпиады, т. е. с 776 г. до Р. Х., и до середины VI в. следует искать не у эллинов в Европе, но на периферии греческого мира: полный, настоящий пульс жизни греческого народа бьется до половины VI века преимущественно в ионийских колониях Малой Азии.

Колонии эти шли во всех отношениях впереди метрополии. До V в. это был центр политической, умственной и художественной жизни греков. Ни один город собственной Греции, ни Афины того времени, ни тем более Спарта не могли выдержать сравнения с городами-колониями вроде, например, Милета на востоке и Сибариса на западе. Колонии, особенно в Малой Азии, могущественнее, богаче городов метрополии. В них кипит торговая и промышленная деятельность, жизнь бьет ключом. Здесь умственный кругозор был шире; греки сталкивались или сближались не только друг с другом, но и с иными народами, знакомились с их строем, их культурой; завязывались сношения с различными странами, иногда весьма отдаленными, – с понтийскими берегами, Египтом, далеким Западом. Здесь образуется многочисленный класс моряков и купцов; получает особенное значение движимая собственность, деньги. Развитие во всех сферах идет тут быстрее. В колониях, как упомянуто, легче было отрешиться от традиции, и тут раньше совершается ряд тех политических перемен, которые характеризуют рассматриваемый период греческой истории, т. е. смена монархии аристократией и затем переход к более умеренной аристократии, к тимократии или же к демократии. В Ионии, по замечанию Э. Курциуса, впервые гражданское равенство поставлено было принципом общественной жизни. Здесь же, в Малой Азии, развивается и греческая поэзия – эпос и лирика, – развивается искусство. Малоазийские колонии, в особенности Иония, родина и греческой науки, и греческой философии...

Греческая колонизация, начавшаяся еще до переселения племен, усилилась после этого переселения, в особенности после вторжения дорийцев в Пелопоннес, а в VIII—VII столетиях достигла своего высшего развития.

Колонизация вызывалась, прежде всего, ростом населения, ощущавшимся недостатком земли и трудностью добывать пропитание при тогдашних условиях хозяйства и землевладения. Переселенцы, во главе которых нередко становились лица, принадлежавшие к знатным родам, искали сначала плодородной земли, и первые греческие колонии имели характер, так сказать, земледельческий. Затем племенные переселения и завоевания, а еще позднее внутренние смуты, борьба партий, тирания, должны были послужить могущественным толчком для основания колоний и усилить колонизацию. Многие предпочитали покинуть родину и искать нового местожительства на чужбине, нежели покориться победителю. Тираны посредством основания колоний старались избавиться от опасных для них элементов. Основание колоний служило и социальной мерой; в них направляется избыток населения. Впоследствии же чаще всего колонии основывались в торговых видах. Словом, колонии для греков играли, можно сказать, ту же роль, что Новый Свет для Западной Европы в новые века.

Природные условия препятствовали распространению греческой колонизации сухим путем. Зато и географическое положение Греции, и близость моря, и устройство берегов, изрезанных удобными бухтами, и соседство множества островов – все это влекло к морю, к мореплаванию, к основанию колоний за морем. Прибавим к этому сам характер народа, большей частью живой, предприимчивый, непоседливый, и мы поймем, почему греческая колонизация достигла такого развития.

Греция по устройству своей поверхности и очертанию берегов обращена, так сказать, лицом к востоку. И колонизация направлялась сначала на восток. На запад греки стали проникать гораздо позже. Это и понятно: западный берег Греции не так удобен для морских сношений и самое плавание на запад сопряжено с большими затруднениями и опасностями. Основание греческих колоний в этой части Средиземного моря относится уже всецело к рассматриваемому периоду, ко второй половине VIII и к VII в. до Р. Х. И греческие колонии широко раскинулись на далеком пространстве – от берегов Испании до устьев Дона и берегов Кавказа с одной стороны, от устьев Роны и северного побережья Черного моря до устьев Нила⁵ и северного берега Африки – с другой. Они обрамляли, иногда с большими, конечно, перерывами, берега морей Средиземного и Эгейского, Пропонтиды и Понта. Далеко в глубь соседних стран колониальные владения греков не простирались. По образному выражению Цицерона, это была кайма у широкой ткани варварских земель, а по другому сравнению (у Платона в «Федре»), греки сидели вокруг Средиземного моря, словно лягушки вокруг пруда. Даже на западном побережье Малой Азии греческие города занимали хотя и сплошную, но узкую полосу (расширяющуюся лишь в Эолиде), причем для поселений избирались преимущественно устья рек. В качестве купцов или наемников греки заходили и дальше намеченных пределов. Со времени династии Псамметиха они проникали, например, в глубь Египта, даже к самым Нильским водопадам, как свидетельствует об этом надпись, начертанная в Абу-Симбеле греческими воинами. А плаванья греков на запад простирались до Геркулесовых Столпов, т. е. до нынешнего Гибралтара, и даже несколько далее.

Такое распространение колоний было, конечно, делом многих поколений. Прочному, окончательному основанию поселения предшествовал иногда целый ряд открытий, предварительных попыток и т. д. Для нас остались большей частью неизвестными имена этих своего рода Колумбов, открывавших новые, неведомые дотоле грекам страны, прокладываявших новые пути торговле. «Того, что возникает мало-помалу, предание не хранит обыкновенно», – говорит по этому поводу Э. Курциус в своей «Греческой истории». «Отдельный битвы являются в ярком блеске славы, тогда как мирная и не бросающаяся в глаза работа народа, на которую в течение многих поколений он тратит лучшие свои силы, остается в тени, в неизвестности...»

---

⁵ Где была фактория Навкратис.

Главными пунктами, откуда направлялась греческая колонизация в VIII—VII столетиях, были преимущественно ионийские города в Малой Азии, особенно Милет, по преданию, основавший будто бы до 80 колоний, затем Фокея, отчасти остров Самос, а в самой Греции – эвбейские города Халкида и Эретрия, из дорических же – Коринф, метрополия, например, Сиракуз, Мегары, основавшие Византий, и некоторые другие. Обыкновенно каждый из таких городов имел свой излюбленный район, куда он направлял своих колонистов, Милет – к берегам Черного моря, Халкида – к полуострову Халкидике и к берегам Сицилии, но никто не заходил так далеко на запад, как колонисты Фокеи.

Одновременно с колонизацией развивалось и морское дело, мореплавание. За 700 лет до Р. Х. коринфянин Аминокл впервые, по свидетельству древности, стал строить триеры, т. е. суда с тремя рядами гребцов, для самосцев. Греки, шедшие нередко по следам финикийян, постепенно вытесняли этих прославленных мореплавателей, купцов и посредников в сношениях между Востоком и Западом.

Вообще колонизация явилась важным фактором в историческом развитии греческого народа⁶.

Во-первых, она должна была сильно повлиять на развитие торговли и промышленности. Между метрополией и колониями должен был установиться живой обмен. Колонисты получали с родины продукты и предметы, к которым они привыкли, в которых они нуждались, и в свою очередь посылали туда свои товары. Колонии вступали в сношения друг с другом и с соседними странами – с Лидией и вообще Востоком, со скифами, фракийцами, этрусками, латинами... О том, как обширны и живы были эти сношения, говорят нам не только литературные свидетельства, но и многочисленные данные археологии – предметы, находимые благодаря раскопкам. С востока, как и раньше, получались предметы роскоши; с запада, из Италии и Сицилии, шел хлеб, металлы. Нынешняя Южная Россия, северные берега Понта, служили уже в ту отдаленную эпоху житницей для греков. Отсюда они вывозили хлеб, а также рыбу, кожи и т. п., а взамен доставляли свои изделия. Немало греческих городов и в собственно Элладе, и среди колоний уже тогда выдавались как торговые и промышленные центры и отесняли на второй план общины чисто земледельческие. Таковы были названные уже раньше как исходные пункты колонизации Милет, Самос, Халкида, Эретрия, Коринф, Мегары. Из них Милет славился своей шерстью, своими тканями, пурпурной одеждой, коврами. Коринф, благодаря своему положению на перешейке, служил, по словам Фукидида, эмпорием Греции: через него шла торговля между восточной частью Средиземного моря и западной⁷. Он славился, кроме того, своей керамикой, в особенности вазами («коринфскими»), затем бронзовыми изделиями, шерстяными материями, вообще своим промышленным развитием, и Геродот отмечает, что здесь ремесленники пользовались большим уважением, чем в остальной Греции. Халкида торговала преимущественно металлами, медью и изделиями из них, оружием и т. д. К этим пунктам надо присоединить еще Хиос, славившийся своим вином; малоплодородный, бедный природой, но торговый остров Эгину, занимавший одно время господствующее положение на море; Сикион и такие колонии на западе, как Сибарис и Сиракузы. Позднее стала выдвигаться Атика своими оливками, серебром Лаврийских рудников и в особенности своей керамикой. Даже между отдаленными друг от друга городами существовали живые торговые сношения, например между Милетом на востоке и Сибарисом на западе, а сношения Коринфа простирались от Сицилии и до Лидии и берегов Понта. Когда Лидия утвердила свое господство на малоазийском побережье, подчинив себе тамошние греческие города,

⁶ Мейер Эд. Экономическое развитие Древнего мира / Пер. с нем. под ред. М.О. Гершензона. СПб., 1898; Кареев Н.И. Государство-город античного мира. 2-е изд. СПб., 1905. С. 59 сл.

⁷ При тогдашних условиях плавания обогнуть Пелопоннес было затруднительно, тем более что на западном берегу Пелопоннеса не было удобных гаваней, и товары, доставлявшиеся к Истму морем, перевозились обыкновенно через перешеек сухим путем, а потом опять шли морем: у Коринфа был своего рода «волок».

а затем на смену ей явилось владычество Персии, образовавшей на востоке одну обширную державу, то и это благоприятствовало развитию греческой торговли. По крайней мере, так было до тех пор, пока не восстала Иония и не был разрушен Милет.

С развитием промышленности число ремесленников увеличивается, но дешевых свободных рабочих не хватает – развивается рабство и торговля рабами. Говорят, остров Хиос первый начал торговать рабами, покупая их в чужих странах и потом перепродавая; он сделался таким образом рынком для покупки рабов. В торговых и промышленных городах поселяются и свободные ремесленники из чужих краев, не пользующиеся политическими правами, находящиеся в положении афинских метеков.

Таким образом, уже в ту эпоху промышленность удовлетворяла не только местные потребности: она производит предметы и на вывоз, и схема известного экономиста И.К. Родбертуса и его последователя К. Бюхера, по которой вся древность относится к периоду замкнутого, так называемого «ойкосного» или «домашнего» хозяйства, чистого производства на себя без обмена, где продукты потребляются в том же хозяйстве, которое их производит, эта схема по отношению к Греции оказывается неверной⁸. Уже в древности существовали высшие формы экономических отношений; уже тогда промышленность и торговля играли важную роль, продукты производились для вывоза, для сбыта, и еще в VII столетии до Р. Х. во многих местностях греческого мира совершается переход к хозяйству денежному.

В гомеровскую эпоху мерилom ценности служили драгоценные сосуды, слитки меди или железа, а чаще всего скот – бык или овца. В «Илиаде», например, медный треножник оценивается в 12 быков, металлическое оружие – в 9, рабыня, опытная в женских работах, – в 4. С развитием торговли, при участившемся обмене, особенно должна была ощущаться потребность в единицах ценности определенного веса и притом удобных для обращения – в чеканной монете. С Востока заимствованы были греками единицы мер и весов, а в начале VII в. в Малой Азии, там, где мир греческий соприкасался с миром восточным, в Лидии и в Ионии – в Фокее, Самосе и Милете – стали чеканить монету. Теперь уже не было нужды каждый раз подвергать взвешиванию металлические слитки: штемпель города или государства служил гарантией определенного веса. Нечего и говорить, как это должно было облегчить торговые сношения, каким могущественным образом повлиять на развитие торговых оборотов. Неудивительно, что такое нововведение быстро привилось и распространилось. Вскоре деньги делаются силой. Уже в VII в. у поэта Алкея мы встречаем изречение: «деньги делают человека». За ними происходит погоня; это – знамение времени. «Для большинства, – говорит другой поэт, Феогнид из Мегар, – существует одна только добродетель – быть богатым. Остальное ничто тебе не поможет, обладай ты мудростью самого Радаманта, большими знаниями, чем Сизиф, или языком Нестора богоравного». Негодуя на то, что знатные вступают в брак с незнатными, Феогнид замечает: «Деньги чтят они; поэтому благородный женится на дочери богача, а богач – на дочери благородного. Богатство смешивает сословия. Не удивляйся поэтому, если род граждан портится: благородное смешивается с подлым». «Не напрасно люди больше всего почитают тебя, Плутос (т. е. Богатство), ибо с тобой, прекраснейший и желаннейший из богов, и низкий делается благородным». Но и сам Феогнид в одном месте заявляет: «Будь я богат и мил бессмертным, я бы ни о какой другой добродетели не заботился».

Таким образом, выдвигается средний класс, который может быть назван греческой буржуазией. Рядом со знатным, родовитым землевладельцем, а иногда и выше него, становится представитель промышленности и торговли, капитала, богатый купец и мореплаватель. В лице этого класса возвышается демос – название, обнимающее разнообразные элементы, начиная с крестьянина, поденщика и простого ремесленника и кончая неродовитым купцом-капиталистом.

⁸ *Мейер Эд.* Экономическое развитие Древнего мира. СПб., 1898.

Аристократы должны были уступить место и в такой сфере, как военное дело. Условия войны изменились, и конница уступает первенство пехоте – фаланге тяжеловооруженных гоплитов. А еще Аристотель подметил тесную связь между организацией военной силы и политическим строем. В древности, говорит он, где сила была в коннице, там была олигархия, и после отмены царской власти политические права перешли к воинам, сначала к всадникам, пока сила на войне была в коннице, а потом, с ростом городов и с усилением гоплитов, и к большему числу лиц (Pol., 1297 b). Конная сила, по мнению Аристотеля, свойственна аристократии или олигархии, тяжелая пехота – умеренной политике, а легкая пехота и морская сила – демократический род оружия. Перемену, совершившуюся тогда в Греции, можно сравнить с тем, что наблюдается в конце Средних веков в Западной Европе. И здесь рыцарское ополчение как военная сила уступает место пехоте: алтайская пехота одерживает победы над блестящим французским рыцарством, швейцарцы – над бургундским, гуситы – над имперским.

Возвышению новых элементов содействовало и развитие в умственной сфере. Легко себе представить, как основание колоний и расширение пределов греческого мира, сношения и знакомство с другими странами повлияли на расширение умственного кругозора греков. При этом то была эпоха, когда входит все в большее и большее употребление такое могучее орудие просвещения, как алфавит, усвоенный приблизительно еще в конце X века, появляется письменность. На рубеже VII и VI вв. мы видим первые опыты философских систем. Конец VII и начало VI в. – это век семи мудрецов. На смену эпосу является лирика с ее выражением личных чувств. Наступает пора пробуждения индивидуальности. В VII в. перед нами впервые выступают личности поэтов, подобных Архилоху, с их индивидуальностью, с их мировоззрением, с их любовью и ненавистью. «Архилох, – говорит Белох, – первый грек, который, как живой человек, стоит перед нами во всей своей индивидуальности. Он пел обо всем, что волновало его в жизни: о своей любви к прекрасной Необуле на паросской родине, как и о своих военных поездках по дикой Фракии; с полной откровенностью выражал он свои страсти и язвительной насмешкой преследовал своих врагов»⁹.

Образование, бывшее прежде достоянием и привилегией аристократии, проникает и в другие слои. Незнатный мореплаватель и купец по своему кругозору и опыту теперь часто превосходит знатного землевладельца.

Борьба демоса с аристократией и тирания

Новые выдвинувшиеся элементы выступают со своими требованиями: они добиваются гражданского равенства и политических прав. С другой стороны, переход к денежному хозяйству сопровождался тяжелым экономическим кризисом¹⁰. Теперь и крестьянину нужны были деньги, тем более что натуральные повинности переводились часто на деньги, и господствовавшая землевладельческая знать становилась все требовательнее. Крестьянин должен был добывать деньги за большие проценты; он разорялся, лишался земли, входил в неоплатные долги, попадал в кабалу: долговое право тогда было сурово и неисправного должника обрекало на рабство. Прибавим в этому, что владычество аристократов, как мы видели, стало тяжелым.

Таковы причины борьбы демоса с аристократией. Это – борьба политическая и социальная, борьба ожесточенная, сопровождавшаяся нередко переворотами, изгнаниями, отобранием имуществ и т. п.

До какого ожесточения доходили борющиеся партии, показывает эпизод, произошедший в Милете: дети изгнанных аристократов были отведены на ток и там брошены под ноги

---

⁹ Белох Ю. История Греции / Пер. с нем. М.О. Гершензона. Т. I. М., 1897. С. 204—205.

¹⁰ Meyer Ed. 1) Geschichte des Altertums. Bd. II. S. 547 f.; 2) Экономическое развитие... С. 37—38; Pöhlmann R. von. Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. Bd. II. München, 1901. S. 109 f.

быков, которые их и растоптали; аристократы, возвратившись, отомстили тем, что осмолмили детей демократов и сожгли их. В Мегарах мы видим иные сцены: бедные вторгаются в дома богатых, требуют угощения и в случае отказа пускают в ход силу, а с заимодавцев требуют возвращения уплаченных процентов. Иногда нападали на стада богатых землевладельцев и избивали овец. В местностях, где кризис особенно обострялся, стремления демоса вообще принимали, можно сказать, социал-революционный характер¹¹: раздавались требования передела земли, уничтожения долговых обязательств и т. д.

С настроением и стремлениями общественных классов и партий того времени нас знакомит тогдашняя лирика. Греческая лирика VII и начала VI в. носит часто политический характер, и лирические произведения для той эпохи были тем же, что для нашего времени произведения публицистические и памфлеты. Еще почти в начале рассматриваемого периода, на рубеже VIII и VII вв., мы встречаем симптом пробуждения массы, выражение пессимизма, недовольства и духа оппозиции, встречаем поэта с антиаристократической тенденцией – Гесиода. Гесиод – сам сын поселянина, покинувшего малоазийские Кумы из-за нужды и поселившегося в Беотии, у подошвы священного Геликона. Это – поэт сельского класса, людей, трудящихся в поте лица своего. Мы видели, как негодует он на правителей-«дароедов», как жалуется на отсутствие правды в судах, как изображает тяжелую долю земледельца, беззащитность слабого. Мы знаем его басню о ястребе и соловье, о сильном и слабом, на тему: «с сильным не борись!». Гесиод рисует идеал золотого века, но этот век позади, в далеком прошлом. Настоящее же мрачно. Отец не в согласии с сыном, сын – с отцом, гость – с гостем, товарищ – с товарищем, и брат не мил, как бывало прежде. Теперь – люди насилия; нет ни правосудия, ни стыда. В мире действует борьба и зависть конкурентов; горшечник относится со злобой к горшечнику, плотник – к плотнику, нищий завидует нищему, певец – певцу. Зевс дал такой закон: рыбы, и звери, и птицы крылатые пусть пожирают друг друга, ибо правды нет между ними; но людям он дал правду, которая – величайшее благо. «Слушайся правды, – наставляет Гесиод своего брата Перса, хотевшего несправедливым судом отнять у него участок земли, – работай, Перс, божественный отпрыск». Поэт прославляет честный труд. «Работа не позорна, позорно безделье, – говорит он, – разбогатеешь, будет ленивый завидовать тебе, богатеющему, а за богатством следует и слава, и почет». А кто живет в бездельи, на того и боги негодуют, и люди; он подобен трутням, которые и сами не работают, и работу пчел уничтожают, пожирая ее...

Обратимся теперь к поэту, который жил в конце характеризуемого периода и у которого особенно ярко выразилось отношение к современной ему действительности. Это – Феогнид из Мегар.

Феогнид – аристократ по происхождению и по симпатиям. Он лишился состояния, отечества, долго скитался и только под конец жизни вернулся на родину. «Как собака через горный ручей, переправился я, в бурном потоке все бросив». «О, горе мне, бедному. Потерпев несчастье, я стал посмешищем для врагов и бременем для друзей». Феогнид мечтает о мести: он молит Зевса за все претерпленные страдания дать ему «испить черной крови врагов». Демос Феогнид страстно ненавидит и презирает. «Топчи ногами пустоголовый демос, – говорит он, – коли его острым жалом, надень тяжелое ярмо на его шею!» Как из луковицы не вырастает роза или гиацинта, так от рабыни – свободное дитя. Обращаясь в своем стихотворении к некоему Кирну, любимому им молодому аристократу, Феогнид советует ему не иметь общения с «низкими», а всегда держаться «благородных»: «Только от благородных можешь ты научиться благородному». По мнению Феогнида, было бы хорошо, если бы все «благородные» владели богатством, а простому человеку подобает трудиться в бедности.

Понятно после этого, как относился Феогнид к совершившимся в ту пору переменам, как волновали они его. «Кирн! город тот же, да люди другие, – с горечью говорит он. – Те,

¹¹ Busolt C. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. I. Gotha, 1893. S. 628.

что раньше не знали ни прав, ни законов, но носили на плечах козы шкуры и за городом паслись, как олени, теперь – знатные! А прежние благородные стали теперь низкими! Кто может перенести это зрелище!» Особенно негодует Феогнид на то, что знатные, забыв свою родовую честь, вступают в брак с незнатными из-за денег.

В одном стихотворении, приписываемом, но, кажется, не принадлежащем Феогниду, положение государства сравнивается с положением корабля, заливаемого волнами: «Подобрав паруса, мы пускаемся в море темной ночью. Воду черпать они не хотят, а волны заливают корабль с обоих бортов. Едва ли кто спасется, когда они так поступают. Хорошего кормчего, который стоял на страже с знанием дела, они сместили; деньги расхищают они силой; порядок исчез, нет больше правильного распределения; носильщики властвуют, чернь – выше благородных. Боюсь я, что так волны поглотят корабль!..»

Яркие черты для характеристики тогдашнего положения дел мы найдем и в стихотворениях Солона, но их мы коснемся далее, в истории Афин.

Одним из результатов той борьбы, которая происходила тогда между демосом и знатными, и первой уступкой со стороны последних является издание писаных законов. Требование писаных законов, с которым выступил демос, вполне понятно, если вспомнить, что суд находился в руках знати и что тут, при отсутствии писаного права, открывался широкий простор для произвола. Вторая половина VII и начало VI в. – время первых опытов писаного права в Греции. И это нововведение впервые появляется опять-таки в колониях, только не в восточных, не в Малой Азии, а в западных: древнейшие писаные законы, по преданию греков, принадлежали Залевку в Локрах (Италийских) и Харонду в Катане¹². Затем уже следует в Афинах законодательство Драконта и Солона, в Митилене (на острове Лесбосе) – Питтака и проч.

Борьба партий – аристократической и демократической – была, как мы видели, политическая и социальная. Вела она иногда к так называемой тимократии. При тимократии доступ к власти открывался и неаристократу по рождению, но лицу, обладавшему известным имуществом, богатством, известным цензом. Другими словами, аристократия по происхождению уступала место аристократии по состоянию. Или же обе партии, утомленные борьбой, не видели иного исхода, как в том, чтобы вручить неограниченную власть какому-либо лицу, пользующемуся общим доверием. Такое лицо являлось верховным уполномоченным, посредником, законодателем, пожалуй, в известном смысле – диктатором, и называлось эсимнетом¹³. Типичным эсимнетом был Питтак Митиленский, современник Солона, один из семи мудрецов и одна из благороднейших личностей греческой истории. По окончании своего дела Питтак сам сложил с себя власть, избавив свое отечество, как говорит древний историк, от трех величайших бедствий – от тирании, от междоусобной и от внешней войны.

Но чаще всего борьба вела к тирании.

Со словом «тиран» древние греки связывали иное понятие, нежели мы. Теперь тиранией мы называем жестокое правление, а тираном – жестокого, хотя бы и законного, государя; греки же обозначали этими словами обыкновенно незаконность происхождения власти и тиранами называли лиц, силой или хитростью присваивавших себе власть, по праву им не принадлежавшую, хотя бы это были правители кроткие и гуманные¹⁴. Таким образом, тирания в древнегреческом смысле – в сущности узурпация, а тираны – узурпаторы. С точки зрения грека, напри-

---

¹² Нужно заметить, что действительное существование Залевка подверг сомнению еще греческий историк Тимей.

¹³ Между эсимнетом и тираном иногда трудно провести границу. По Аристотелю (Pol., 1284 a), эсимнетия – «просто сказать, выборная тирания».

¹⁴ Впоследствии, впрочем, философы, например Аристотель, характерной чертой тирана считали стремление не к общей пользе, а к личной выгоде, или превышение власти, хотя бы и законной. См.: Zeller Ed. Ueber den Begriff der Tyrannis bei den Griechen // SB. Berlin, 1887. S. 1137 f.; на рус. яз. о тирании см.: Байер Н.В. Эпоха древней тирании в Греции. СПб., 1863; также см. мою статью: Бузескул В.П. Тирания и тирании в древней Греции // Брокгауз—Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XXXIII, п/т. 65. 1901. С. 224 сл.

мер, Наполеон I и Наполеон III были бы тираны. Вообще греческую тиранию, скорее всего, можно сопоставить с цезаризмом в Риме или во Франции.

Древняя тирания характеризует преимущественно вторую половину VII и VI столетия до Р. Х. и притом те местности Греции, где политическая, экономическая и вообще культурная жизнь достигла уже значительного развития. Она возникла на почве недовольства и ненависти к знатым и богатым со стороны демоса, страдавшего от политического бесправия и экономического кризиса. Это – своего рода демократическая диктатура, в которой нуждался недостаточно еще окрепший демос.

Тираны выходили иногда из рядов высших правительственных лиц, например, так называемых пританов, стратегов или архонтов, старавшихся насильно продлить и расширить свою власть. Но чаще всего это были аристократы по происхождению, из политического расчета, честолюбия или из-за личной обиды порывавшие связь со своим сословием, становившиеся во главе демоса и с помощью него, силой или хитростью, захватывавшие власть в свои руки. В этом смысле прав Аристотель, говоря, что древние тираны большей частью выходили из демагогов. Существовавших форм государственного строя и законов тираны обыкновенно не трогали и довольствовались властью фактической, предоставляя высшие должности своим родственникам или приверженцам. Иногда, впрочем, они старались и в самом государственном устройстве дать перевес началам демократическим. В видах большей безопасности и прочности собственной власти тираны принимали меры против скопления населения в городе и старались отвлечь его внимание от государственных дел. Опорой им служила военная сила – отряд телохранителей, укрепленный дворец и т. п. Ввиду этого, а также и для осуществления своей внешней и внутренней политической системы тираны нуждались в больших денежных средствах, вводили налоги, иногда в форме прямого обложения, прибегали к конфискации имений знати и т. д. Тираны вступали в союз друг с другом и в тесные сношения с Востоком, вообще развивали широкую внешнюю политику, старались распространить свое политическое и торговое влияние. Они заботились о развитии морского могущества и об основании колоний. Тираны искали и нравственной опоры для своей власти в дружественных связях с Олимпией, и в особенности с Дельфийским оракулом. Они вводили новые культы, покровительствовали, например, культу Диониса, бога преимущественно простого, сельского класса, устанавливали новые церемонии и празднества. Они вступали в союз с умственными силами века, подобно итальянским династам эпохи Возрождения являлись в роли меценатов, привлекали к своему двору художников, поэтов, этих глашатаев славы и тогдашних руководителей общественного мнения. Тираны проявляли в широких размерах строительную деятельность, не только способствовавшую украшению и укреплению их резиденций или благоустройству городов и общей пользе, но и дававшую заработок массе рабочих и ремесленников.

Но лучшей опорой тиранам служила преданность демоса. Уже личные выгоды побуждали их заботиться об удовлетворении насущных его потребностей и интересов – о правосудии, о поднятии экономического благосостояния массы. Некоторые тираны особенно покровительствовали земледельческому классу, оказывая ему всяческое содействие и помощь. Зато знать большей частью подвергалась гонению, а имущества у нее отбирались.

В некоторых городах утвердились целые династии тиранов, например Орфагориды в Сикионе, властвовавшие там в течение столетия, Кипселиды в Коринфе, не говоря уже о Писистрате и его сыновьях в Афинах. Память о могуществе и богатстве тиранов долго хранилась греками. О тиранах ходили разные рассказы, своего рода новеллы¹⁵, образцы которых мы находим у Геродота, например рассказ о свадьбе Агаристы, дочери сикионского тирана Клисфена.

---

¹⁵ Erdmannsdoerffer B. Das Zeitalter der Novelle in Hellas // Preussische Jahrbücher. Bd. XXV. 1870. S. 283 f.

Тирания нанесла сильный удар аристократии и много способствовала возвышению демоса. Большею частью она служила переходной ступенью к демократии или, по крайней мере, к более умеренной, сравнительно с прежней, аристократии. Благодаря тирании во многих греческих государствах мог окрепнуть демократический элемент. Тирания освобождала народные массы от владычества аристократии; власть тирана фактически уравнивала знатных и незнатных, так сказать, нивелировала общество. Силам, истощавшимся во взаимной, внутренней борьбе, тираны давали подчас иное направление и применение. Многие тираны, особенно основатели династий, были выдающимися деятелями, обладавшими мужеством и широким умом, личностями сильными, с резко выраженной индивидуальностью.

Но тирания имела немало и темных сторон. Если уже наиболее выдающиеся тираны, основавшие династии, оказывались слишком неразборчивыми в средствах и слишком подозрительными, то их преемники – тем более. Не имея ни тех талантов, ни тех заслуг, которые давали их отцам и предшественникам как бы право на власть, сознавая ее незаконность, они становятся еще более подозрительными и жестокими, видят свою опору исключительно в силе, в наемной страже, пренебрегают интересами демоса, которые делаются для них совершенно чуждыми и непонятными, и воздвигают гонение на всех. При тирании не мог бы развиваться вполне и свободно греческий гений. Тирания, с ее насилием, подозрительностью и лицемерием, должна была иметь деморализующее влияние, и ее падение, после того как она выполнила свою историческую задачу, было благоприятно для дальнейшего развития греков. Окрепший демос мог теперь отстаивать себя и без тирании, которая являлась для него уже скорее тормозом и лишним игом.

И тирания стала вызывать против себя недовольство даже в тех слоях, на которые она прежде опиралась и для которых теперь сделалась ненужным и тяжелым гнетом. К концу VI в. в большей части Греции она исчезает, уступая место или умеренной аристократии, или демократии¹⁶.

Итак, монархия, ее падение, владычество аристократии, борьба с ней демоса и тирания, как переходная ступень к демократии или к более умеренной аристократии, – такова обычная общая схема развития греческого государства в VIII—VI вв.

Те же явления наблюдаем мы и в Афинах. Только тут ход исторического развития совершается еще постепеннее и благодаря дошедшим до нас источникам известен нам подробнее.

---

¹⁶ Дольше удержалась тирания в сицилийских городах, где борьба между разнообразными племенными и остальными элементами часто приобретала крайне жестокий характер. Она получила особенное развитие в Сиракузах в лице двух Дионисиев (Старшего и Младшего) и Агафокла. Но эта тирания была несколько иная: современница упадка демократии и развития наемничества, она является по преимуществу военной диктатурой: ее представители выходят из рядов военачальников и опираются почти исключительно на военную силу, на солдат. То же следует сказать и о тех тиранах, которые появлялись в Греции во времена и под эгидой македонского господства.

Демократия в Афинах

I. Начало

Переход от монархии к архонтату

Обычный тип греческого государства – полис, государство-город, состоящее из города с его ближайшими окрестностями. Афины, наравне со Спартой, в этом отношении составляли исключение. В известную нам историческую пору Афинское государство не было просто городом, а занимало сравнительно значительную территорию (около 40 кв. миль), обнимавшую всю Аттику и имевшую лишь один центр – Афины. Но некогда и в Аттике существовали отдельные независимые общины, и прошло немало времени, прежде чем совершилось полное объединение или слияние их – так называемый синойкизм – в одно целое. Например, Элевсин, несомненно, долго был отдельным, самостоятельным государством. Предания сохранили явные указания на то, что он и Афины были когда-то двумя враждебными сторонами. На былую самостоятельность Элевсина указывает и то обстоятельство, что он пользовался правом чеканить монету. Некоторые общины, вошедшие в состав Афинского государства, когда-то были, по видимому, в особенно враждебных между собой отношениях, а некоторые – наоборот, в особенно тесных, союзнических. Так, жители Паллены и Гагна даже впоследствии не заключали браков между собой. С другой стороны, особенно тесная связь существовала между общинами так называемых «четырех городов», к числу которых относился и Марафон; то же можно сказать и о «четырех деревнях» (в их числе были Пирей и Фалер). Все это, очевидно, отголоски далекого прошлого.

По преданию, при Кекропе Аттика делилась на 12 «городов», т. е. областных государств. Объединение же Аттики, ее синойкизм были будто бы делом Иона или Тесея, как гласит более распространенная традиция. Тесей, по словам Фукидида (II, 15), упразднил советы и власти в отдельных городах и учредил для всей Аттики один совет (булевтерий) и один Пританей – в Афинах. Впоследствии предание представляло это объединение Аттики совершенным мирно, путем убеждения. Но в действительности оно было результатом довольно долгого и, вероятно, тяжелого процесса¹⁷. Объединение исходило из «равнины», составлявшей естественное средоточие страны. Тут, на берегу Кефиса, неподалеку от морского берега, на скалистом холме, господствуя над окрестностями, расположена была крепость или кремль, акрополь, где еще в микенскую эпоху находился царский дворец.

Афиняне с некоторым правом смотрели на себя как на автохтонов. Лежавшая в углу, далеко не плодородная Аттика не служила приманкой для завоевателей и во времена исторические не подвергалась завоеванию. Даже в эпоху племенных передвижений, когда дорийцы вторгались в Пелопоннес, она не испытала потрясений и участи большей части остальной Греции. Буря ее миновала, и вместо того чтобы сделаться добычей завоевателя, Аттика служит еще убежищем и приютом для других. По преданию, сюда являются беглецы из Беотии, Пилоса и т. д. Это не были покорители; это был лишь прилив свежих, энергических сил, и многие знаменитые афиняне вели свой род от выходцев, нашедших убежище в Аттике. Таким образом, в Аттике мы не видим той племенной розни, которая существовала во многих областях Эллады. Здесь нет двух резко отделенных друг от друга классов – победителей и побежденного,

---

¹⁷ По мнению Эд. Мейера, только в одной Аттике сохранилось древнее государство микенской эпохи; от той эпохи и ведет свое начало государственное единство страны.

порабощенного народа. «Предки наши, – мог с гордостью сказать впоследствии афинянин¹⁸, – всегда отличались справедливостью в отношении к людям, ибо они не были смесью с другими племенами или пришельцами; из всех эллинов они одни – автохтоны; та земля, в которой они родились, была их кормилицей, и любили они ее, как любят отца и мать». И это обстоятельство в будущем, конечно, могло способствовать достижению равноправия и развитию более демократических форм в Афинах.

Но все-таки вражды и борьбы между различными социальными элементами не избежала и Аттика. В древней истории Афин перед нами, несмотря на отмеченные черты, все же в сущности явления, аналогичные тем, которые мы видим в большей части остальной Греции. Историческая жизнь Аттики прошла через те же стадии развития, что и в большинстве других греческих государств VIII—VI вв. до Р.Х. И в Афинах некогда существовала царская власть, которая потом исчезает; и тут, прежде чем упрочилась демократия, властвовала аристократия эвпатридов и между ней и низшими классами, демосом, происходила борьба.

В социальном отношении, по знатности происхождения и своим занятиям, население Аттики делилось на три сословия – на эвпатридов, благородных, георгов, или геоморов, иначе агроиков, земледельцев, и демиургов, ремесленников. Эвпатриды сосредоточивали в своих руках крупную земельную собственность, политическое влияние и затем власть. В старину, а нередко и впоследствии, они жили обыкновенно вне города, и в Аттике немало было поселений, называвшихся по имени знатных родов, которые, очевидно, происходили из той местности и там имели местопребывание. Георги, или геоморы, были преимущественно средними и мелкими земледельцами, а демиурги, число которых должно было увеличиваться лишь по мере торгового и промышленного развития Аттики, занимались ремеслом и торговлей. Такое деление на сословия приписывалось в древности Тесею. Плутарх передает¹⁹, будто Тесей, производя синойкизм и желая еще больше увеличить город, созвал всех «на равных правах», но чтобы эта «демократия» не была беспорядочной, смешанной толпой, он первый разделил ее на упомянутые три сословия: эвпатридам он предоставил ведать религиозными делами, занимать должности, быть истолкователями законов божеских и человеческих; они выдавались почетом, геоморы – полезностью, демиурги – численностью. Конечно, в ту отдаленную эпоху, при слабом развитии торговли и ремесел, едва ли демиурги могли выдаваться численностью, как говорит Плутарх; да и само деление на сословия было, по всей вероятности, результатом не законодательного акта одного какого-либо лица, а самой жизни: сословия эти, так сказать, бытовали в Аттике.

Но рядом с делением на сословия или классы в Аттике существовало еще деление родовое – на филы или колена, фратрии и роды. Там было четыре филы – Гелеонты, Аргады, Эгикореи и Гоплиты, из которых каждая состояла из трех фратрий, а фратрия – из известного числа родов²⁰.

Относительно этого деления возникает целый ряд вопросов: что древнее – фила, фратрия или род? Обнимало ли это деление всех граждан Аттики или только знатных эвпатридов? Имели ли филы территориальный характер или же скорее племенной, кастовый, соответственно занятиям жителей? Возникли ли они в Аттике или принесены извне? В каком отношении находится это деление к сословному – на эвпатридов, геоморов и демиургов? И т. д. По этим вопросам существует обширная литература, но некоторые из них все еще не вполне разрешены. Мы здесь не будем вдаваться в специальные подробности; скажем только, что в состав фил, по-видимому, входили все граждане; деление на три сословия не имело отноше-

---

¹⁸ Исократ в «Панафинейской речи» (125).

¹⁹ В биографии Тесея (24 sq.).

²⁰ По схеме, которую мы находим, например, у Аристотеля, в каждой фратрии было по 30 родов, состоявших в свою очередь из 30 глав семейств. Но схема эта, очевидно, искусственная.

ния к делению на филы и фратрии; знатные фамилии находились в каждой из фил; последние были, в сущности, равноправны, хотя на первом месте обыкновенно называют филу Гелеонтов; филы имели до некоторой степени и территориальный характер; это можно заключить из того, что впоследствии каждая фила разделена была на 3 триттии и на 12 навкрарий, а навкрарии были единицы территориальные.

Членов рода связывало происхождение от одного – действительного или мнимого – предка. Нередко род и назывался по имени того лица, от которого он вел себя (например, Алкмеониды – от Алкмеона). Члены рода находились между собой в тесной правовой и религиозной связи, имели некоторые общие права и обязанности, общий культ, свои святилища, своих жрецов, свои праздники, свои кладбища. В древности они должны были защищать друг друга, мстить убийце, если кто-либо из членов рода погибал от руки его; в случае отсутствия прямых наследников наследовали имущество умершего. Во главе рода стоял особый, так называемый «архонт рода», по всей вероятности ежегодно сменявшийся. Членов фратрии связывал тоже общий культ. Во фратрии велись списки законных детей; она наследовала имущество последнего в роде и т. п. Во главе фил стояли «цари фил» (φιλοβασιλείς); еще в IV в. до Р.Х., во времена Аристотеля, они совместно с архонтом-басилевсом производили суд в Пританее. В строе государства и в тогдашней политической жизни, особенно в эпоху аристократии, филы имели немалое значение, служа основой для организации управления, войска и проч. В них, конечно, сильно преобладали аристократические элементы и стремления.

Начало демократии в Афинах последующая традиция относил к очень ранней поре, еще ко времени Тесея. Она представляла этого героя иногда в образе основателя и покровителя демократии. По поводу синойкизма говорили, например, что Тесей созвал всех «на равных правах», что он достиг соединения Аттики путем компромисса и уступок, обещав разделить власть с главами и представителями прежних отдельных общин, являясь между ними скорее первым между равными, что при нем уже форма правления уклонилась от царской и что он первый «склонился на сторону толпы». Тесей, собрав в Афины разнообразный люд, создал будто бы демос и придал монархии более демократическое направление²¹.

Разумеется, подобные сообщения не заслуживают доверия. Не говоря уже о том, что Тесей – личность не историческая, а легендарная, в предании этом мы замечаем противоречия; оно и Солон считает основателем афинской демократии, и вообще трудно допустить, чтобы о столь отдаленном периоде аттической истории позднейшая греческая литература сохранила сколько-нибудь достоверные сведения. Но предание о Тесее как основателе афинской демократии интересно в другом отношении: оно показывает, как последующие поколения представляли себе первоначальную демократию в Афинах и в какую отдаленную глубь веков готовы были они относить ее начало. В действительности от монархии Афины перешли не прямо к демократии, а к аристократии, к архонтату. Переход этот совершился с замечательной постепенностью. Одна из версий древней традиции упразднение в Афинах монархии и учреждение должности архонта приурочивала ко времени смерти царя Кодра, будто бы пожертвовавшего жизнью ради спасения отечества. Согласно господствовавшему в древности преданию, цари заменены были архонтами, которые сначала были пожизненными и избирались из фамилии царской – из потомков Кодра, Медонтидов. С середины VIII в. должность архонтов ограничивается 10 годами. Через 4 десятилетия после этого Медонтиды теряют исключительное право на архонтат и доступ к последнему открывается всем эвпатридам, а еще через 30 лет – в 683/82 г. до Р. Х. – в Афинах стали выбирать ежегодно девять архонтов – собственно архонта (впоследствии называвшегося архонтом-эпонимом), басилевса, полемарха и шесть фесмофетов, и таким образом власть, принадлежавшая прежде одному лицу, теперь разделяется между

²¹ Aristot. Ath. Pol., 41; Plut. Thes., 24 sq.

несколькими. Такое ее разделение и создание новых, ежегодно замещавшихся должностей должно было удовлетворять честолюбию эвпатридов, их стремлению к власти.

Аристотель в своем трактате «Афинская полития», вновь открытом среди папирусов, приобретенных в Египте Британским музеем, и изданном впервые Кенионом в 1891 г., представляет переход от монархии к архонтату так. По времени первой в Афинах была власть царя, ибо она существовала изначально. Второй возникает рядом с ней полемархия, вследствие того, что некоторые цари стали невоинственными, а затем появляется должность архонта (эпонима), которая и сделалась впоследствии главной. Должности эти были сначала пожизненными, а потом десятилетними. Большинство, по словам Аристотеля, относит возникновение архонтата ко времени Медонта, а некоторые – ко времени его преемника, Акаста, когда потомки Кодра «отказались будто бы от царской власти из-за даров, которые получал архонт», причем ссылаются на клятву, даваемую архонтами, в которой те обязываются «присягать так, как при Акасте». Что должность архонта сравнительно с должностью басилевса и полемарха более позднего происхождения, это, по мнению Аристотеля, видно между прочим из того, что архонты не заведуют никакими древними учреждениями и культом, подобно басилевсу и полемарху, а только новыми. Фесмофетов же стали в Афинах выбирать спустя много лет, уже при ежегодных архонтах, с тем «чтобы они записывали и хранили постановления для суда над преступниками».

Так рассказывает Аристотель о падении царской власти в Афинах и начале архонтата. Он здесь опирался, конечно, не на какой-нибудь документальный, вполне достоверный источник: перед нами тут преимущественно комбинации и выводы, со ссылкой на доказательства, которые основываются больше на так называемых «культурных переживаниях». Но в пользу сообщения Аристотеля говорят и внутреннее правдоподобие, и историческая аналогия. В его изложении постепенность перехода от монархии к аристократии представляется особенно рельефно. По Аристотелю, какого-либо переворота, формальной отмены царской власти в Афинах не было. Мы видим тут, как и в большей части остальной Греции, не революцию, а эволюцию. Падение монархий и переход к аристократии совершается медленно, с удивительной последовательностью: архонт, первоначально лицо менее важное, занимавшее третье место, возвышается мало-помалу до положения первенствующего, становится выше не только полемарха, но и самого басилевса, советником и помощником которого он, вероятно, сначала был, а басилевс из монарха превращается во второстепенное лицо, во второго архонта, заведующего преимущественно делами, касающимися культа. Таким образом, второй архонт есть прямой, непосредственный преемник прежних царей; но фактически главная власть перешла в руки сановника, сначала стоявшего на третьем месте, а затем возвысившегося над басилевсом и заслонившего его собой.

С усилением знати царская власть ограничивалась и падала. По мере того как отношения и условия жизни становятся сложнее, выделяются новые должности и происходит, так сказать, дифференциация и дробление некогда единой власти, обязанности, исполнявшиеся прежде одним лицом, монархом, бывшим вместе правителем, военачальником, судьей и жрецом, исполняются тремя, а впоследствии к трем сановникам присоединяется еще шесть фесмофетов. С падением власти басилевса и возвышением архонта (эпонима) мы можем до известной степени сопоставить ограничение царской власти в Спарте эфорами и их возвышение. У молоссов в Эпире власть царей ограничивали простаты; в Мегарах наряду с царями стоят стратеги, власть которых расширяется за счет царской. А возвышение полемарха в Афинах – вследствие невоинственности и изнеженности царей, по объяснению Аристотеля, – может напомнить нам возвышение франкских майордомов при Меровингах.

Архонты избирались ареопагом «по знатности и богатству», как выражается Аристотель в своей «Афинской политии». Это не значит, что уже тогда существовал строго определенный ценз и господствовал тимократический принцип: слова «по знатности и богатству» лишь

взаимно дополняют одно другое; знатность и богатство в те времена совпадали, были как бы синонимами. Но естественно, что наиболее богатым эвпатридам отдавалось предпочтение. Из их среды и выходили архонты.

Первоначально девять архонтов, т. е. собственно архонт, базилевс, полемарх и шесть фесмофетов, не составляли одной коллегии и имели различное местопребывание; в одну коллегию соединил их Солон. По свидетельству Аристотеля, в старину архонты имели право решать дела окончательно, собственной властью, а не только предварительно расследовать, как было впоследствии. По словам Фукидида (I, 126), они тогда заведовали большей частью государственных дел.

Главным сановником в государстве был первый «архонт», архонт по преимуществу, которому специально присвоен был этот титул и по имени которого обозначался год: в Афинах употреблялось выражение – «в архонтство такого-то», подобно тому, как в Риме говорили – «в консульство таких-то». Позже этот архонт официально назывался «архонтом-эпонимом». При вступлении в должность он прежде всего объявлял, что чем каждый владел до него, тем и будет владеть до конца его архонтства, т.е. каждому гарантировалась его собственность. В этом видят отголосок той глубокой старины, когда еще господствовала полная необеспеченность собственности. Впоследствии ведению первого архонта преимущественно подлежали семейно-правовые отношения; он должен был заботиться о дочерях-наследницах, сиротах, вдовах; он должен был назначать опекунов, защищать родителей от дурного обращения с ними детей. Он заведовал и некоторыми празднествами. Но некогда, во время господства аристократии, должность первого архонта была очень важной: это был как бы президент Афинской республики.

Второй архонт – базилевс, «царь» – ведал делами главным образом сакральными, имеющими отношение к культу, и председательствовал в ареопаге по делам о смертоубийстве, потому что в те времена такие дела связаны были с культом и пролитие крови рассматривалось как осквернение. Между прочим, любопытным остатком старины являлся обряд бракосочетания «царицы», жены архонта-базилевса, с богом Дионисом.

Полемарх, как показывает само название, был «военачальником»: он командовал войском и ведал делами, касающимися войны, а так как в старину «враг» и «чужой» были понятиями тождественными, то его ведению подлежали и дела, касавшиеся чужеземцев и неграждан. Наконец, фесмофеты несли обязанности преимущественно судебские.

При царях существовал совет из знати. Несомненно, что подобный совет существовал и в период господства аристократии, при архонтах. Таким правительственным советом в Афинах был ареопаг.

По словам Аристотеля, ареопаг имел назначением наблюдать за исполнением законов; но, в сущности, он ведал большей частью – и притом важнейших – государственных дел, собственной властью наказывал и карал всех нарушающих порядок; он же по своему выбору и усмотрению назначал архонтов, каждого соответственно его способностям. Члены ареопага были пожизненные, и состоял он из бывших архонтов (Ath. Pol., 3; 8). Судя по этим словам, ареопагу принадлежало первенствующее значение в государстве. Его можно сравнить с римским сенатом. Ему принадлежит высшая контролирующая и карающая власть. При владычестве эвпатридов с падением монархии и с разделением власти между несколькими ежегодно меняющимися сановниками неминуемо должны были сильно возрасти авторитет и влияние совета, состоявшего из пожизненных членов, наиболее знатных в богатых, служившего средоточием политической опытности и хранителем традиций, пополнявшегося, в сущности, путем кооптации, хотя и косвенным образом (так как состоял ареопаг из бывших архонтов, им же избранных). Между архонтатом и ареопагом должна была существовать тесная связь, ибо архонты избирались ареопагом и в него же потом вступали.

Народное собрание, существовавшее в Греции в гомеровскую эпоху, было и в Афинах. Оно не совсем исчезло, вероятно, и теперь, при господстве аристократии, но созывалось редко и значения не имело.

Еще при владычестве эвпатридов, по крайней мере, под конец этого периода, для удовлетворения вновь возникших потребностей, особенно во флоте, и для привлечения населения к несению повинностей введено было деление Аттики на навкратии. Каждая из 4 фил разделена была на 3 триттии и 12 навкратий. Навкратий, следовательно, было 48. Во главе них стояли навкраты. Каждая навкратия должна была снаряжать по одному кораблю и выставять по два всадника. Навкратии введены были в военных и финансовых целях, и навкраты заведовали текущими местными сборами и расходами. Навкратии являются представителями не старинного, родового принципа, а другого, нового – территориально-административного.

Отметим еще, как очень древнюю должность, колакретов (буквально – «разрезающих мясо», «резников»), имевших первоначально отношение к жертвоприношениям и бывших потом преимущественно заведующими денежной кассой.

Таков был в общих чертах строй Афин во время владычества эвпатридов.

Килонова смута, законодательство Драконта и экономический кризис

До второй половины VII в. до Р.Х. владычество эвпатридов в Афинах было незыблемым и не встречало противодействия. И в политическом, и в культурном, и в экономическом отношении Аттика отставала от других: ее соседи – Мегары, Коринф, Эгина – стояли тогда на первом месте, заслоняя ее. Но с середины VII в. в сферу того нового движения, которое происходило во многих греческих общинах и о котором мы уже говорили, была втянута и Аттика, тем более что вследствие ее географического положения и природы легко могли установиться тесные сношения между ней и приморскими городами Малой Азии и появиться класс торговых мореходов. Почва Аттики давала прекрасный материал для гончарного производства, для керамики. В VII столетии развился особый стиль – геометрический, иначе называемый стилем Дипилона, и центром производства были Афины. Археологические находки показывают, что афинская керамика проникла далеко на восток и на запад – во Фригию, на Кипр, в Сицилию, в Этрурию. В VI в. она уже вытесняет произведения других греческих городов, в том числе и знаменитые коринфские вазы. Бедная хлебом Аттика была богата оливками, и оливковое масло составляло важный предмет вывоза. Введение навкратий, о которых мы говорили, показывает, что уже сознавалась необходимость во флоте. Флот этот был, конечно, на первых порах небольшой. Есть известия, что уже в конце VII в. афиняне заняли Сигей, к югу от Геллеспонта на малоазийском берегу, и из-за него вступили в борьбу с митиленцами. Борьба на этот раз окончилась тем, что по приговору коринфского тирана Периандра, избранного в посредники, Сигей остался за Афинами. Очевидно, афиняне старались обеспечить сношения с Понтом. Вероятно, уже тогда они нуждались в подвозе иноземного хлеба.

Вообще, как мы видели, то было время, когда, с одной стороны, развивались промышленность, торговля, входили в употребление и получали большое значение деньги, возвышалась новая сила – демос, а с другой стороны, усиливались произвол и злоупотребления господствующей аристократии, тяжелый экономический гнет, от которого страдала масса земледельческого населения, и ее задолженность. Недовольство массы, брожение в ее среде, борьба со знатью, – все это создает благоприятные условия и почву для тирании, которая в ту эпоху составляла обычное явление в Греции.

Разгар этой борьбы в Афинах относится к более позднему времени; но ее зародыши и первые симптомы обнаруживаются еще во второй половине VII в. до Р.Х.

В 30-х гг. этого века молодой, знатный и богатый афинянин, по имени Килон, зять мегарского тирана Феагена, делает попытку овладеть властью в Афинах. С помощью друзей и данного ему тестем отряда в годовщину своей победы на Олимпийских играх он захватывает акрополь. Но против него поднялось население Аттики все поголовно, как горожане, так и сельские жители – последние под предводительством пританов навкраров, – и Килон с приверженцами был осажден. Осада затянулась. Большинство осаждающих разошлись, предоставив архонтам покончить с восстанием. Килон с братом успел бежать; приверженцы же его, которым грозила гибель от голода и жажды, сдались, положившись на обещание, что они будут пощажены. Но обещание было нарушено, и сторонники Килона избиты, причем некоторые из них погибли у самых алтарей богов.

Так неудачно кончилась попытка Килона. Недовольство и начинавшееся брожение в народе могло подать ему мысль о захвате власти, внушить смелость и надежду на успех. Но Килон не был защитником и вождем недовольного народа. По-видимому, он не постарался или не сумел приобрести доверие и опору в массе, слишком явно обнаружил свои тиранические, чисто эгоистические замыслы. В довершение всего он опирался на чужеземную помощь – и притом тирана – и, следовательно, в глазах большинства являлся врагом отечества.

Но эта неудачная Килонова попытка и ее подавление надолго оставили после себя тяжелый след в афинской истории. Положение дел не улучшилось, а, напротив, еще более ухудшилось. Началась продолжительная война с Мегарами, тиран которых Феаген мстил афинянам за неудачу Килона и гибель его приверженцев. Остров Саламин, расположенный у самого берега Аттики, перешел тогда в руки мегарцев. Аттика находилась как бы в блокаде; ее сообщения морем были крайне затруднительны, берега в опасности; сам подвоз хлеба, в котором она нуждалась, стеснен. В довершение всего угнетенное настроение овладело народом: при подавлении Килонова восстания совершено было святотатство – пролита кровь на священном месте, у жертвенника Эвменид, и народ ждал небесной кары за осквернение святынь и алтарей. Вина за произошедшее падала главным образом на архонтов, в особенности на тогдашнего первого архонта Мегакла из фамилии Алкмеонидов, руководившего подавлением Килонова восстания. Наконец, после долгого промежутка, когда многие из участников в этом святотатственном деле сошли уже в могилу, состоялся суд над святотатцами, причем судьями были 300 «лучших мужей». По их приговору трупы виновников были выброшены из могил, а род их предан вечному изгнанию²². Такая кара постигла Алкмеонидов, и так положено было начало разрыву между этой могущественной фамилией и остальной афинской аристократией. И долго еще потом будут припоминать Алкмеонидам их участие в святотатственном деле при подавлении Килонова восстания; во времена афинского законодателя Клисфена, из рода Алкмеонидов, Перикла, по матери происходившего от них, этим будут пользоваться их враги.

Существует предание, что в Афины для окончательного очищения города от «скверны» святотатства призван был Эпименид Критянин, мудрец и пророк, который и совершил ряд очистительных обрядов. Но личность Эпименида – полумифическая и рассказы о нем носят характер легендарный.

Тяжесть положения и зависимость демоса от эвпатридов немало увеличивало то обстоятельство, что в Афинах не было тогда еще писанных законов и суд находился в руках аристократии. К тому же существовавшее обычное право мало уже соответствовало новым условиям жизни, не удовлетворяло вновь назревшим потребностям. И первое требование, с которым выступил афинский демос и на которое согласились эвпатриды, было издание писанных законов.

---

²² О спорных вопросах см. в моей книге: *Бузескул В.П.* Афинская Полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895. С. 296 сл. См. также статью: *Малишин А.А.* К вопросу об Алкмеонидах в I гл. «Афинской Политии» Аристотеля в связи с вопросом об Эпимениде Критянине // ЖМНП. 1908, ноябрь – декабрь.

Дело это было поручено Драконту, по-видимому, одному из фесмофетов, который издал законы в архонтство Аристема²³, т. е., по всей вероятности, в 621 г. Кодекс Драконта целиком не сохранился. Но в конце V в. до Р. Х. по постановлению афинского народного собрания начертаны были на каменной стеле Драконтовы законы, касавшиеся убийства, и эта копия с оригинала VII столетия, в виде надписи, в обрывках, дошла до нас²⁴. Кроме того, имеются цитаты у ораторов и некоторые другие данные. Но все же мы не можем в точности сказать, кодифицировал ли Драконт лишь существовавшее право или же внес что-либо новое в него и что именно.

По Драконтовым законам судьями были в большинстве случаев эфеты. Не вполне выяснено, ввел ли их впервые Драконт, как сообщают некоторые источники, или они были и до Драконта. Эфеты выбирались в числе 51 из «лучших людей», конечно, знатных, имевших от роду не менее 50 лет. Их можно сравнить со средневековыми шеффенами, *boni homines*. Число эфетов – 51 – на первый взгляд несколько странное, проще всего объясняется по аналогии с последующими афинскими судами, дикастериями, состоявшими из 201, 501 и т. д. судей: имелось в виду избежать возможного равенства голосов при решении, и с этой целью введено было число нечетное.

Драконтово законодательство уже различает убийства по категориям. Так, суд по обвинению в предумышленном убийстве происходил в ареопаге; но являлись ли тут судьями сами ареопагиты, как это было впоследствии, со времен Солона, или же эфеты, вопрос спорный²⁵. Если убийца был не известен или же смерть причинена была животным, каким-либо неодушевленным предметом, например упавшим камнем, деревом и проч., то обряд суда происходил в Пританее, где заседали «цари фил» под председательством архонта-басилевса. По окончании суда животное или предмет, причинивший смерть, извергались за пределы Аттики. Суд производили эфеты в Палладии, святилище Афины в Фалере, в случае убийства непреднамеренного или же подстрекательства; в Дельфинии, святилище Аполлона, – если убийство было «справедливое», т. е. дозволенное законом, например в случае самообороны, прелюбодеяния, во время состязания и т. п.; во Фреатто, на берегу моря, близ Пирея, – если убийство совершал изгнанный, причем в таких случаях обвиняемый защищался перед судом, не вступая на почву Аттики, а находясь в лодке. Суд над убийцей происходил вообще под открытым небом, дабы судьи не оскверняли себя, находясь под одним кровом с лицом, запятнанным кровью.

Солон отменил большую часть Драконтовых законов, но оставил в силе те из них, которые касались убийства. Один оратор конца V в. до Р. Х. называет уголовные законы Драконта «самыми древними в стране», которых никто никогда не осмеливался трогать. Но уже в IV в. Аристотель отмечает как характерную черту Драконтовых законов, их жестокость. Говорили, что Драконт почти за всякое преступление, даже за мелкое воровство, назначал смертную казнь. Современник Филиппа Македонского, оратор Демад, выражался, что Драконт писал свои законы не чернилами, а кровью. Выражение это стало ходячим.

В действительности, однако, было не совсем так. Мы видим, например, как по Драконтову законодательству убийство преднамеренное уже различается от непреднамеренного; за последнее назначается не смертная казнь, а изгнание; при этом допускается примирение с ближайшими родственниками убитого, а в случае неимения таковых – с представителями фратрии; убийство раба наказывается наравне с убийством свободного гражданина; наконец, с убийцей запрещается дурно обращаться.

²³ *Aristot. Ath. Pol.*, 4.

²⁴ См. собрание аттических надписей: CIA (= IG), I, № 61; Ditt. Syll 2., I, № 52; *Recueil des inscriptions juridiques grecques*, par O. Darestre, V. Haussoullier, Th. Reinach, 2 te serie. Paris, 1898, где имеется и французский перевод отрывков, и комментарий.

²⁵ *Lipsius J.H.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd. I. Leipzig, 1905. S. 20; ср.: *Busolt G.* Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. II. Gotha 1895. S. 232 f.

Но тогда как обычная, распространенная традиция древности представляет Драконта законодателем только в области уголовного и гражданского права, в одной из глав «Афинской политики» Аристотеля ему или, по крайней мере, его времени приписывается особый политический строй. Эта «Драконтова конституция» была будто бы такова. Политические права принадлежали тем, кто имел оружие. Последние выбирали архонтов и казначеев из лиц, у которых свободного от долгов состояния было не менее 10 мин²⁶; на остальные, младшие должности выбирали из имевших оружие, а на высшие военные должности стратегов и гиппархов – из лиц, которые покажут, что обладают свободным имуществом не менее 100 мин и имеют от законного брака детей старше 10 лет; сверх того, от стратегов и гиппархов до сдачи ими отчета требовались особые поручители. Совет состоял из 401 – из избранных по жребию граждан. Как члены совета, так и прочие власти должны были иметь от роду более 30 лет, и одно и то же лицо не могло занимать должность вторично, прежде чем очередь обойдет всех. Если кто из членов совета пропустит заседание последнего или народного собрания, тот платит штраф: пентако-сиомедимн²⁷ – 3 драхмы, всадник – 2, а зевгит – 1. Ареопаг был стражем законов и наблюдал за тем, чтобы власти правили по законам; всякому потерпевшему несправедливость предоставлено было обратиться с жалобой в ареопаг с указанием закона, нарушенного по отношению к нему.

Итак, если верить этому свидетельству, еще до Солона политическими правами пользовались не одни эвпатриды, а все имевшие оружие; народное собрание, совет 401, жребий, отчеты должностных лиц, стратеги, господство тимократического начала, ценз, и притом для стратегов гораздо более высокий, чем даже для архонтов, деление на имущественные классы – все это оказывается существующим еще при Драконте!

Такова та «Драконтова полития», описание которой в глазах одних является своего рода перлом среди свидетельств Аристотелева трактата, а в глазах других – нелепостью. Вообще вопрос о ней один из самых спорных²⁸. Это изложение Драконтовой конституции находится в противоречии с некоторыми местами того же трактата об афинской политике и с остальной традицией древности, а главное наряду с чертами вполне правдоподобными – народным собранием, политическими правами «имеющих вооружение», требованием свободного от долгов состояния – оно содержит анахронизмы. Не говоря уже о жребии, об имущественных классах и т. п., о чем можно еще спорить, совершенно невероятно, чтобы во времена Драконта, в 20-х гг. VII в. до Р.Х., стратеги и гиппархи стояли выше архонтов, а так выходит по «Драконтовой конституции», так как от стратегов и гиппархов требуется ценз больший, нежели от архонтов; и что это не простая какая-либо описка лишь в цифрах, видно из того, что к этим лицам предъявляются еще особые требования: они должны иметь детей от законного брака старше 10 лет и представлять поручителей до сдачи отчета. Очевидно, стратегам и гиппархам придавалось значение большее, нежели архонтам. Это уже явный анахронизм. До V в. в Афинах в общем государственном управлении архонты занимали высшее место, а главное начальство над войском принадлежало полемарху.

«Драконтова конституция» представляет много сходных черт с теми олигархическими проектами, которые были распространены в Афинах в конце V в., в последний период Пелопоннесской войны. Она как бы выражает стремления и идеалы тогдашних афинских олигархов. Наконец, ее описание в Аристотелевом трактате плохо связано и не совсем согласуется с предыдущим и последующим текстом, пришито, так сказать, белыми нитками.

²⁶ Мину составляли 100 драхм, а 60 мин составляли талант. Драхма ок. 40 коп., а талант приблизительно 2400 руб. на наши деньги (рубль конца XIX в. – *Примеч. ред.*)

²⁷ Т. е. имевший дохода не менее 500 медимнов. Об имущественных классах см. ниже, где речь идет о реформе Солона.

²⁸ См. мою книгу: *Бузескул В.П. Афинская Полития Аристотеля...* С. 309 сл.

Поэтому мы склоняемся к выводу, что описываемая в «Афинской политике» «Драконова конституция» есть анахронизм, что описание это заимствовано из какого-либо олигархического источника конца V в. и составляет вставку, принадлежащую даже не Аристотелю²⁹.

Но как бы мы ни смотрели на Драконта, будем ли мы видеть в нем реформатора политического или нет, несомненно, что социально-экономических отношений он не коснулся. Между тем положение массы земледельческого населения в Аттике тогда было тяжелое. Помимо того «корыстолюбия и высокомерия» знатных, о котором говорит и Солон в своих стихотворениях, оно вызывалось, как мы видели, и более глубокими, общими причинами – тем кризисом, который происходил тогда в экономической жизни Греции вследствие перехода от натурального хозяйства к денежному, развития торговых сношений, привоза дешевого хлеба из других стран и проч. Многие земельные участки были заложены; на них ставились своего рода ипотечные знаки, закладные столпы (*ороі*) с обозначением имени займодавца и суммы долга. Число независимых мелких собственников уменьшалось.

«Государственный строй Афин был тогда во всех отношениях олигархический», – говорит Аристотель в своей «Афинской политике». «Бедные были в кабале у богатых сами и дети их, и жены. Назывались они пелатами и гектеморами (т. е. шестидольниками), «ибо за эту долю они обрабатывали поля богатых – вся же земля была в руках немногих – и в случае неисправных взносов обращались в рабство, и сами, и дети их. Займы заключались тогда под залог тела (т. е. личности), и так было вплоть до Солона, который первый явился простатом демоса. Тяжелее всего для большинства было находиться в кабале, но оно и всем остальным было недовольно, ибо ни в чем не имело доли». Выходит, что причины тяжелого положения массы и ее недовольства, по Аристотелю, были двоякие: политические – олигархический строй и обусловленное этим полное бесправие демоса – и социально-экономические.

В общем, такая же картина тяжелого положения земледельческого населения рисуется и у Плутарха. В то время, говорит Плутарх в биографии Солона, неравенство между богатыми и бедными достигло высшей степени, государство находилось в опасности и казалось, что только с установлением тирании можно восстановить спокойствие и прекратить смуту, ибо весь демос находился в долгу у богатых. При этом у Плутарха этот обремененный долгами демос разделяется на две категории: во-первых, на гектемориев (или гектеморов) и фетов, которые обрабатывают землю для богатых, платя, по словам Плутарха, «шестую часть» сбора, и, во-вторых, на лиц, которые, беря займы под залог «тела», становятся рабами своих займодавцев в случае неуплаты долга. «Многие принуждены были продавать даже собственных детей, – продолжает Плутарх, – ибо ни один закон не запрещал этого – и бежать из государства вследствие притеснений займодавцев. Большинство же – и притом наиболее энергичное – собиралось и призывало друг друга не терпеть долее такого положения, но, избрав вождем надежного человека, освободить должников, поделить землю и совершенно изменить строй государства».

В изложении наших источников в подробностях есть, конечно, преувеличения, неточности и неясности. Что такое, например, «гектеморы»³⁰? Судя по всему, это не были арендаторы или фермеры, как их часто называли; это и не сельские наемные рабочие, получавшие за свой труд натурой известную часть жатвы. В гектеморах скорее всего можно видеть или половников (*métayer*), или людей, ставших в силу экономических условий полузависимыми, своего рода колоннов. Гектеморы находились в некоторой как бы наследственной зависимости от богатых, были людьми полусвободными; в случае же неисправности в платеже им грозило лишение и той

---

²⁹ Я не вижу основания отказываться от этого мнения, высказанного в 1895 г. в моей книге об «Афинской политике», хотя оно и встретило возражения. Недавно к такому же выводу пришел У. Вилькен: *Wilcken U. Apophoreton*. Berlin, 1903.

³⁰ *Guiraud P. La propriété foncière en Grèce*. Paris, 1893. P. 421 ss. Вопрос о гектеморах имеет свою литературу. См. в моей книге: *Бузескул В.П. Афинская Политика Аристотеля...* С. 303 сл. Из новейших исследований см.: *Swoboda H. Beiträge zur griechische Rechtsgeschichte // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. 1905.

доли свободы, которой они еще пользовались, уже полное рабство и продажа хотя бы даже на чужбину. Между ними могло быть немало и прежних земельных собственников, которые заложили свои земли или вынуждены были уступить их заимодавцам, оставшись на них в качестве гектеморов и работая на богачей. Но если гектеморы платили известную часть жатвы, то как объяснить их задолженность по отношению к землевладельцам? По-видимому, им – особенно при неурожае – иногда не хватало на жизнь или на посев, и они вынуждены были брать себе из доли владельца. Аристотель, нужно заметить, распространяет, очевидно, на гектеморов то, что скорее относится к другой категории бедствовавшего населения, упоминаемой у Плутарха, свидетельство которого тут заслуживает предпочтения по большей отчетливости, вразумительности и внутреннему правдоподобию. Какую долю получали гектеморы, т. е. $\frac{1}{6}$ или $\frac{5}{6}$ урожая, – тоже давний и спорный вопрос. Название «шестидольники» по-гречески само по себе не может служить тут указанием: оно равно применимо и к тем, кто отдает, и к тем, кто оставляет себе шестую долю. Показания же источников расходятся: Плутарх, как мы видели, ясно говорит, что гектемории платили шестую долю; другие выражаются неопределенно; есть известия, что гектеморам шла лишь шестая часть. В правильности показания Плутарха можно сомневаться. Дело в том, что положение гектеморов изображается в наших источниках как особенно тяжкое, бедственное; спрашивается, могло ли быть оно таким, если бы гектеморы отдавали всего только $\frac{1}{6}$, а в свою пользу оставляли $\frac{5}{6}$? Вопрос до сих пор остается открытым. Для надлежащего решения его необходимо более точное и близкое знание условий тогдашнего хозяйства в Аттике, чем то, каким мы располагаем при данных источниках.

Когда Аристотель говорит, что «вся земля была в руках немногих», или Плутарх выражается, что весь демос находился в долгу у богатых, то это – преувеличение, что доказывается существованием во время Солона целого класса некрупных землевладельцев, зевгитов (о которых подробнее еще придется говорить), и свидетельством самого Солона, говорящего о снятии им столпов, орои, и освобождении таким образом «матери-земли»: очевидно, существовали еще мелкие и средние земельные владения, хотя и заложенные. Сам борьба демоса с эвпатридами и ее исход, последующее торжество демократии в Афинах – все это было бы непонятно, если бы во второй половине VII в. в Аттике были одни крупные землевладельцы и колонны или сельские пролетарии и не было значительного среднего землевладельческого класса, хотя и переживавшего тяжелый и опасный кризис.

Но, в общем, картина положения дел, написанная Аристотелем и Плутархом, соответствует той, которую рисует в своих элегиях современник-очевидец и деятель эпохи – Солон. «Город наш, – говорит он в одном из своих стихотворений, – по воле Зевса и по мысли других блаженных бессмертных богов никогда не погибнет; такой великодушный хранитель, как дочь могучего отца» (Зевса), Паллада Афина, свыше простирает над ним свои руки. Но великий город хотят погубить своим безрассудством, слушаясь корысти, сами граждане и незаконный дух вождей народа... Богатеют они несправедливыми делами. Не щадя ни священного, ни народного достояния, они крадут, грабят, один там, другой здесь, и не хранят священных основ Правды. Безысходная беда уже постигает все государство, и оно быстро попало в злое рабство, которое возбуждает междоусобицы. Враждующие терзают возлюбленный наш город в собраниях, дорогих для тех, кто поступает несправедливо. Таковы бедствия в народе, а из бедных многие приходят в чуждую землю, проданные, связанные позорными оковами. Так общественное бедствие вторгается в дом каждого; перед ним нельзя запереть двери; оно переступает через высокую ограду, найдет всюду, даже в глубине спальни». И Солон говорит о поставленных всюду «столпах», о поработанной «матери-земле», о многих проданных или бежавших из-за нужды на чужбину, долго скитавшихся и забывших свой язык или терпевших рабство у себя на родине, о стремлении к разделу земли, к тому, «чтобы всем иметь равную ее часть».

Итак, задолженность земледельческого класса и крайняя нужда, рабство должников, резкое деление тогдашнего общества на два враждующих лагеря – с одной стороны народа, демоса, с другой – знатных и богатых, с их корыстолюбием и высокомерием, мечты о разделе земли, это засвидетельствовано и Солоном³¹.

Атика переживала тяжелый кризис. Демос восстал против знатных. Крайняя партия из недовольных и обездоленных стремилась к коренному политическому и социальному перевороту. Тогда впервые раздалось требование: «Земля массе, народу»³².

Солон

В этот критический момент выступает на историческое поприще идеальная по благородству и бескорыстию своих стремлений личность – Солон.

По происхождению Солон был очень знатного рода – из той фамилии Медонтидов, к которой принадлежали прежние афинские цари, и древние считали его Кодридом, т. е. потомком Кодра; но он не был богат и по своему положению и состоянию принадлежал к «средним» гражданам. Есть известие, что Солон занимался торговлей. Далекими путешествиями, частью по торговым делам, частью из любознательности, он расширил свой умственный кругозор. Стремление к знанию никогда не покидало его, даже в старости. «Старею я, – говорил он о себе, – но постоянно многому учусь».

По Плутарху, Солон обратил на себя внимание прежде всего своим знаменитым стихотворением по поводу Саламина и возвращением этого острова, который находился в руках мегарцев и который был так необходим афинянам ввиду его географического положения, затем – возбуждением Священной войны в защиту интересов Дельф и, в-третьих, деятельностью, направленной к успокоению населения, встревоженного святотатством, которое совершено было при подавлении Килонова восстания: именно Солон будто бы побудил Алкмеонидов подчиниться суду. Что касается Саламина, то действительно есть основание думать, что он в ту пору, при участии Солона, перешел в руки афинян. Участие же Солона в Священной войне и в умиротворении умов после Килонова восстания, вероятно, легенда.

Но Солон был поэт и в своих стихотворениях живо отзывался на события; он ярко выражал в них свои идеалы, стремления, свою скорбь при виде общественных бедствий, борьбы партий и проч. В том большом стихотворении, отрывок из которого мы раньше приводили для характеристики положения дел в Афинах, можно видеть его как бы «политическую программу»: Солон говорит в нем о бедственных последствиях «дисномии», беззакония, и изображает благотворное действие «евномии», законности, которая всюду водворяет порядок и согласие, сглаживает шероховатости, смягчает высокомерие и последствия вражды, умиряет гнев и ненависть. Сам эвпатрид, Солон, однако, не причислял себя к партии знатных. В одном стихотворении он убеждает богатых не быть алчными, причем отделяет себя от них: «Вы, преисполненные многими благами, укротите непреклонное сердце и умерьте гордый дух; ибо и мы вас не послушаем, и у вас не все будет идти гладко». Вообще вину в раздорах Солон возлагал больше на богатых: он боялся их «корыстолюбия и высокомерия», видя в этом причину возникшей вражды. По его мнению, если бы каждому было предоставлено то, что ему принадлежит по справедливости, то не было бы и раздоров: «Справедливость войны не порождает». В одной элегии Солон говорил о «скорби, проникающей в глубину его сердца, когда он взирает на старейшую землю Ионии», т. е. Атику, раздираемую борьбой. По словам Аристотеля,

---

³¹ Поэтому в сообщениях Аристотеля и Плутарха нельзя видеть лишь «социальную легенду», «формулу, лозунг радикально-социалистических партий в греческих общинах с конца V в. до Р. Х.» (Вуннер Р.Ю. Лекции по истории Греции. М., 1905. С. 65—67; ср. мою статью: *Бузескул В.П.* Рец. на книгу: *Вуннер Р.Ю.* Лекции по истории Греции. М., 1905 // ЖМНП. 1905, октябрь).

³² *Pöhlmann R. von.* Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. Bd. II. München, 1901. S. 148 f.

цитирующего начало этого стихотворения в своей «Афинской политике», Солон обращается к обеим партиям, нападает и тут же заступает за ту и другую и затем убеждает сообщать прекратить возникший спор. По Аристотелю, эта-то элегия, проникнутая любовью к родине, печалью при виде раздоров, являющаяся призывом к примирению, к взаимным уступкам и справедливости, обратила всеобщее внимание на Солона и побудила афинян избрать его в архонты и законодатели.

Если кто, то именно Солон, стоявший выше корыстных побуждений и вне борющихся партий, по происхождению один из первых, а по состоянию один из средних граждан, казалось, мог явиться посредником и примирителем между враждовавшими сторонами, не находившими выхода, и та, и другая возлагала на него свои надежды. Для эвпатридов лучше было положиться на Солона как на одного из своих по происхождению, чем доводить дело до насильственного коренного переворота; демос ожидал, что Солон возьмет в свои руки тиранию и проведет самые радикальные меры. И вот в 594 г.³³, после ожесточенной и долгой борьбы, обе партии сообщают избирают Солона в «архонты, посредники и законодатели» и поручают ему устройство государства с правом по своему усмотрению «отменять или сохранять существующее и вводить новое»³⁴.

Прежде всего, необходимо было облегчить положение должников, устранить социально-экономические бедствия, и Солон, по словам Аристотеля, став во главе дел, во-первых, «освободил демос и в настоящем, и на будущее время, запретив давать займы под залог тела»; это запрещение Аристотель называет «первым и самым важным делом Солона»; во-вторых, Солон «уничтожил долговые обязательства как по отношению к частным лицам, так и по отношению к государству». Эти меры назывались сисахфией, т. е. снятием или стряхиванием бремени. Правда, существовало еще в древности и другое воззрение на сисахфию³⁵, которое до открытия трактата Аристотеля разделялось большинством новых исследователей и по которому мера эта заключалась будто бы в уменьшении процентов и в изменении монетной системы, именно в увеличении номинальной стоимости денег: из одного и того же количества металла вместо прежних 73 драхм чеканилось 100 (другими словами, прежние 100 драхм = 137 новым), благодаря чему при уплате долга новой монетой должник получал облегчение на 27 %. Но в таком виде сисахфия не могла положить конца бедствию и улучшить положение наиболее задолжавших бедняков: у кого совсем не было денег, кто заложил свое «тело», тому мало было пользы от понижения процентов и изменения монетной системы, тому в таком случае не представлялось надежды на улучшение положения в будущем. Что касается радикального характера такой меры, как уничтожение долговых обязательств, стоящего, по-видимому, в противоречии с общим характером деятельности Солона, с его стремлением к компромиссам, с его любовью к «середине», то нужно вспомнить о тяжести кризиса, из которого не было иного выхода. Сам Солон говорит, что он соединял «силу и право». Наконец, есть указания, что Солон не только не понизил процентов, но предоставил особым законом заимодавцу полную свободу относительно размеров процента³⁶. Наоборот, та версия о сущности сисахфии, которой придерживается Аристотель³⁷, согласуется со свидетельством самого Солона в его стихотворениях, где он говорит об освобождении матери-земли и должников, обращенных в рабство; а это едва ли могло быть достигнуто понижением лишь процентов и изменением монетной системы.

---

³³ По обычной хронологии.

³⁴ *Aristot. Ath. Pol.*, 5 sq.; *Plut. Sol.*, 14 sq.

³⁵ У аттидографа Андротиона. См.: *Plut. Sol.*, 15.

³⁶ *Lys.*, X, 18.

³⁷ Ее мы находим и у аттидографа Филохора.

Изменение монетной системы, которое состоялось позже при Солоне, не имеет ничего общего с сисахфией³⁸. Оно имело в виду не облегчение участи должников, а совсем другую цель: это была замена прежней эгинской системы эвбейской; Афины из области господства монеты и торговли Эгины переходили в область распространения монеты и торговли эвбейской; они вступали в сношения с Коринфом, с Халкидикой и македонским побережьем, а на западе – с Сицилией; им открывались новые рынки; их торговые связи расширялись. Таким образом, изменение монетной системы предпринято было в торговых видах и должно было способствовать поднятию благосостояния малопродуктивной Аттики путем развития промышленности и торговли.

Итак, сисахфия состояла в запрещении займов под залог тела и в уничтожении долгов³⁹. Результатом ее, по свидетельству самого Солона, было то, что «мать-земля черная», с которой он снял столпы, всюду водруженные, из порабощенной стала свободной и что демос стал свободным. Солон говорит, что «возвратил в Афины, на божественную родину, многих проданных в рабство или бежавших от нужды, долго скитавшихся и успевших забыть аттический язык». Вполне понятно, каким образом для беглецов, спасавшихся от бедствия, сисахфия, состоявшая в прощении долгов, сделала возможным возврат на родину. Но естественно возникает вопрос, как мог Солон вернуть тех, кто был продан в рабство? Где нашел он средства для этого? В источниках мы, к сожалению, не находим ответа...

Во внутренней связи с сисахфией находится еще одна мера. Есть известие⁴⁰, что Солон с целью предохранить мелких собственников от скупки их участков крупными и предотвратить скопление земли в немногих руках установил известный максимум для поземельных владений. Мы не знаем, как велик был этот максимум, а также касалась ли эта мера только будущего или же и тех имений, которые в момент издания закона превышали установленную норму, и как в таком случае было поступлено с излишками? Были ли они экспроприированы, проданы?..

С другой стороны, Солон, как мы видели, не ограничил размера процентов, который в ту пору был очень велик, как и вообще это бывает при мало развитом еще экономическом строе, – 18 % считалось умеренной платой. Солон предоставил в этом отношении полную свободу займодавцу. Деньги стоили тогда очень дорого: например, по жертвенному тарифу, установленному Солоном, овца или мера ячменя стоила 1 драхму, бык – 5 драхм⁴¹.

За сисахфией последовала «номотесия» – реформирование Солоном государственного строя и издание законов.

Как мы видели уже, иногда противоположность между родовой знатью и простым народом сглаживалась таким образом, что лицам богатым из неаристократов открывался доступ к высшим должностям и, следовательно, господство аристократии по происхождению заменялось господством аристократии по состоянию. Аналогичную меру античная традиция приписывает и Солону. По этой традиции Солон разделил афинских граждан по имуществу на

³⁸ Köhler U. von. Numismatische Beiträge // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. X. 1895 (еще до открытия Аристотелева трактата). Теперь см. гл. 10 этого трактата.

³⁹ По Р.Ю. Випперу (*Bunner P.Ю.* Лекции по истории Греции. С. 68 сл.), Солонова сисахфия состояла в полной ликвидации крепостных отношений, существовавших прежде в Аттике: она была завершением выкупа крестьянских взносов и повинностей, концом освобождения крестьян. Но с этим трудно согласовать свидетельство самого Солона. См. мою статью: *Бузескул В.П.* Рец. на книгу: *Bunner P.Ю.* Лекции по истории Греции. Вообще некоторые пункты в вопросе о сисахфии все же остаются неясными. Спрашивается, все ли долги были прощены, или уничтожены только те обязательства, которые заключены были под залог тела и земли, но не денежный? Касалась ли сисахфия и состоятельных должников или же только бедняков? Наши источники не дают на это прямого ответа, но в них есть косвенные указания на то, что прощены были все долги: известный анекдот о друзьях Солона, узнавших заранее о предполагаемой мере и накупивших земли в долг, показывает, что в древности представляли себе сисахфию касающейся всех должников без различия их имущественного положения. Во всяком случае, лица состоятельные среди должников составляли исключение; громадное большинство принадлежало к нуждающимся и к обремененным долгами.

⁴⁰ *Aristot. Pol.*, 1266 b 17—19.

⁴¹ *Белок Ю.* История Греции / Пер. с нем. М.О. Гершензона. Т. I. М., 1897. С. 174.

четыре класса⁴² – пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов. Минимум дохода первого класса определен был в 500 медимнов⁴³ хлеба или 500 метретов вина и масла, для второго класса, или всадников – в 300, для третьего (зевгитов)⁴⁴ – в 200. Все остальные граждане, имевшие дохода меньше 200 медимнов или метретов, составляли четвертый класс, фетов. Спорный вопрос: принимался ли в соображение только доход с поземельной собственности, так что все лица, не владевшие землей, как бы ни были велики их движимость, их капитал, причислялись к фетам, или же принимался в расчет и доход с движимого имущества, причем драхма приравнивалась к 1 медимну? Наши источники упоминают лишь о доходе с земли и, следовательно, скорее говорят в пользу первого мнения: Аттика в эпоху Солона представлялась все еще страной по преимуществу земледельческой.

Названия имущественных классов отзываются стариной и указывают еще на ту пору, когда всадники составляли главную военную силу, когда господствовала культура только хлеба, а культура вина и оливок не была распространена⁴⁵. Они указывают на преимущественно военные цели. Названия эти могли существовать, так сказать, бытовать в обществе уже давно, еще до Солона, и употребляться в смысле приблизительного определения имущественного положения того или другого лица. Но отсюда еще не следует, что мы должны отвергать формальное введение Солоном деления на классы⁴⁶: Солон мог воспользоваться существовавшими названиями, вообще тем, что уже бытовало, как основой для своей реформы. Деление на классы он положил за основание при распределении прав и повинностей и таким образом придал ему особое значение. Солон, правда, не был сторонником плутократии и в своих элегиях часто восстает против богатых; но он, по собственному заявлению, далеко не стоял за полное, безусловное равенство бедных и богатых, и деление на четыре имущественных класса, соразмерность прав и повинностей, постепенная градация в распределении тех и других как раз были в духе Солона, соответствовали его воззрениям и его идеалам⁴⁷.

По Солоновой конституции, права распределялись по классам соответственно имущественному положению граждан, и повинности соответствовали правам. Только пентакосиомедимны могли быть архонтами и казначеями; зато на них лежали и самые тяжелые повинности, так называемые литургии, особенно впоследствии, – снаряжение кораблей, постановка хоров и т. п. Занимать вообще должности, быть членами совета (о котором еще будет речь) и т. д. могли только лица первых трех классов; они же несли и главную тяжесть военной службы. Четвертый класс по закону не имел доступа к должностям, но зато и не нес пока никаких повинностей и наравне с другими участвовал в народном собрании и в народном суде, гелиэе.

⁴² Уже в «Драконтовой конституции» (*Aristot. Ath. Pol.*, 4) упоминаются первые три имущественных класса, а, касаясь Солоновой реформы, текст трактата говорит, что Солон разделил афинских граждан на четыре класса, «на которые они делились и раньше». Но мы уже упоминали, что «Драконтова конституция» сомнительна и представляет вставку; слова: «на которые они делились и раньше», вероятно, внесены для примирения противоречия.

⁴³ Отсюда и самое название класса: по-гречески πεντακόσιοι – 500, μέδιμνος (медимн) – мера сыпучих тел, равная 2 четверикам (52,53 литра).

⁴⁴ По обычному толкованию так назывались лица, владевшие упряжкой волов. По объяснению Э.Р. фон Штерна и К. Цихориуса, зевгит значит «рядом стоящий», «находящийся в ряду», «рядовой», то же, что и гоплит (*Cichorius C. Zu den Namen der attischen Steuerklassen // Griechische Studien*, H. Lipsius dargebracht. Leipzig, 1894. S. 135 f.; *Штерн Э.Р. фон*. Солон и деление аттического гражданского населения на имущественные классы // *Charisteria*. Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф.Е. Корша. М., 1896. С. 59 сл.).

⁴⁵ При наименовании первого класса (пентакосиомедимны) принята в соображение только мера хлебная, а не жидких тел.

⁴⁶ Так Э.Р. фон Штерн в отмеченной раньше статье.

⁴⁷ Есть не совсем ясное свидетельство (у Поллукса), из которого, однако, можно вывести заключение, что в случае надобности обложению подлежали у пентакосиомедимна 1 талант, у всадника – не 3600 драхм, как следовало бы по тому же расчету, а только 3000 (т. е. $\frac{5}{6}$ имущества), а у зевгита – 1000 драхм вместо 2400 (т. е. лишь $\frac{5}{9}$). На этом основании полагали даже (например, см.: *Bockh A. Die Staatshaushaltung der Athener*. 2 Aufl. Berlin, 1851), что уже при Солоне существовало нечто вроде прогрессивного налога, – гипотеза, в настоящее время большей частью отвергаемая ввиду того, что подобный прогрессивный налог не соответствует тогдашней стадии экономического развития. Ср.: *Beloch K.J.* 1) *Volksvermögen von Attika // Hermes*. Bd. XX. 1885; 2) *Das attische Timema // Hermes*. Bd. XXII. 1887.

Солоновы классы⁴⁸ продолжали существовать и впоследствии; они встречаются в документах – в надписях даже IV в.; но с течением времени, с вздорожанием жизни и падением ценности денег, границы между ними фактически понижаются, и вообще они теряют свой смысл и значение. Они существуют как своего рода «пережитки», как анахронизм. Но для своего времени эта Солонова реформа имела большое значение. Аристократия в сущности заменялась тимократией. Вводились чрезвычайно важные принципы: во-первых, тот, что «каждый имеет право на участие во власти по мере того, насколько он служит государству и обществу своим трудом и имуществом»⁴⁹; во-вторых, тот принцип, что не происхождение, не знатность имеет значение, а состояние; человеком же состоятельным мог сделаться всякий и незнатный при энергии, трудолюбии и благоприятных обстоятельствах, а, следовательно, даже высшие должности теперь уже перестали быть исключительным достоянием и привилегией родовитой знати. Притом для первых классов размер ценза был таков, что в состав их входили не одни только крупные землевладельцы. Затем важно было то, что фетам предоставлялось участие в народном собрании и суде: они, прежде бесправные и нередко закабаленные, теперь, благодаря сисахфии и реформе Солон, делаются людьми вполне свободными, гражданами в полном смысле слова: с точки зрения Аристотеля в его «Политике», ничто лучше не определяет понятия «гражданин», как участие в суде и в правлении.

Словом, эта Солонова реформа наносила удар замкнутой родовой аристократии. Но самого родового устройства Солон, по-видимому, не коснулся: и при нем фил было четыре, как и прежде, и четыре филобасилевса. В совете 400, введенном Солон, было по 100 членов от каждой филы, и кандидатов в архонты, по словам Аристотеля, избирала каждая филла.

Продолжали существовать по-прежнему и навкратии. Аристотель (Ath. Pol., 8) ссылается на Солоновы законы, в которых предписывается навкратам «собирать подати и расходовать из навкратской казны».

Со времени Солон 9 архонтов стали составлять одну коллегию. Для избрания их Солон ввел довольно сложную систему: каждая из тогдашних 4 фил предварительно избирала голосованием по 10 кандидатов и уже из этих 40 лиц по жребию выбирались 9 архонтов. Итак, еще при Солоне вводится жребий, хотя и в смешанном виде⁵⁰. Какое же значение имел жребий? Демократическая ли это мера или нет?

Говоря вообще, введение жребия могло вызываться разнообразными мотивами и соображениями. В этом способе избрания древние могли видеть выражение воли божества, указывающего на желанное лицо⁵¹, и удобное средство для избежания излишней борьбы партий, интриг и страстей, особенно при многочисленных выборах. Жребий мог существовать и в олигархиях. В глазах иных он являлся даже компромиссом, уступкой со стороны большинства, демоса, благодаря которой меньшинству не совсем преграждался доступ к должностям; и в этом смысле жребий мог считаться даже мерой недемократической. Но большей частью он являлся средством, так сказать, нивелирующим, способом удовлетворять притязания на равенство в известном кругу лиц, будь то в немногочисленной среде олигархов или в массе державного демоса, и поэтому, по своему существу, он был больше свойствен демократии. Такого было и более распространенное воззрение древности. Но как бы мы ни смотрели вообще на жребий, Солонов жребий нельзя считать демократической мерой. Избирательная система, введенная Солон, носит на себе тот же характер, что и вся его преобразовательная деятель-

⁴⁸ О Солоновых классах см. статью: *Cavaignac E.* Sur les variations du cens des classes «Soloniennes» // *Revue de philologie.* 1908, janv.

⁴⁹ *Аландский П.И.* История Греции. Киев, 1885. С. 167.

⁵⁰ *Маклаков В.А.* Избрание жребием в Афинском государстве // *Маклаков В.А., Гершензон М.О.* Исследования по греческой истории. М., 1894.

⁵¹ На этом особенно настаивал Н.Д. Фюстель де Куланж: *Fustel de Coulanges N.D.* La cite antique. 10 me ed. Paris, 1883. P. 212—213 (есть рус. пер.: *Фюстель де Куланж Н.Д.* Древняя гражданская община / Пер с фр. Н.Н. Спиридонова. М., 1895).

ность: здесь мы видим то же стремление к «середине», к компромиссу и соглашению различных начал, которое так отличало Солона. Прежде ареопаг избирал архонтов; теперь это право Солон передал народу – перемена, разумеется, чрезвычайно важная и в демократическом духе. Но в самом способе избрания, введенном Солоном, нет ничего демократического. Во-первых, жребий здесь соединяется с «предварительным избранием» кандидатов посредством голосования, на которое и падает, очевидно, центр тяжести; оно – главный момент, имеет больше значения, нежели последующая жеребьевка. Во-вторых, предварительное избрание происходит по филам, а в филах влияние было за знатными родами, за эвпатридами. Какой же смысл Солонова жребия? Приходилось выбирать коллегия, число членов которой не было в соответствии с числом фил – 9 архонтов, облеченных вдобавок неодинаковой властью; и вот естественно было прибегнуть к жребию: он устранял соперничество и борьбу между филами, удовлетворял их притязания на равенство, уравнивал их.

Итак, со времен Солона архонтов избирал уже не ареопаг: Солон, по словам Аристотеля, предоставил народу избирать должностных лиц и подвергать их ответственности, требовать от них отчета.

Народное собрание (эκκλῆσια), существовавшее, вероятно, и раньше, при Солоне получает большее значение. В нем теперь могли принимать участие и феты, дотолде, в сущности, лишенные политических прав.

Солон учредил народный суд, или суд присяжных, гелиэю. Остается однако неясным, была ли гелиэя тогда только апелляционным судилищем или же решала какие-либо дела и в первой инстанции. Мы не знаем также подробностей об ее организации при Солоне, о числе судей (дикастов или гелиастов), способе избрания их и проч. Могущественная роль гелиэи в государственном строе Афин обнаружилась впоследствии. Значение этого учреждения росло постепенно вследствие реформы и формальных законодательных актов, а еще больше под влиянием самой жизни, самой силы вещей. При Солоне были положены первая основа и зародыши этому, а вместе с тем и могуществу демоса. Народный суд – один из важнейших демократических элементов в Солоновой конституции; он, как говорит Аристотель, наиболее способствовал усилению массы: «ибо, будучи господином в суде, демос становится господином и в государстве» (Ath. Pol., 9).

Ввиду нового порядка и увеличивавшегося значения народного собрания являлась потребность в таком учреждении, которое бы готовило и вносило решения в экκλῆσια, вообще заведовало текущими административными и финансовыми делами. С этой целью Солон учреждает совет 400 (буле), по 100 членов от каждой филы. Учреждение гелиэи и совета 400, усиление значения народного собрания, предоставление народу права избирать должностных лиц и требовать от них отчета, все это, по-видимому, должно было отразиться неблагоприятно на положении и влиянии ареопага. Тем не менее Солон предоставил ареопагу важное место в строе Афинского государства⁵². По выражению Аристотеля, он поставил его «всеобщим блюстителем и стражем законов» (каковым ареопаг был, в сущности, и раньше) с правом наблюдать за важнейшими государственными делами, карать виновных, по своему усмотрению взыскивать штрафы без указания даже причины и судить тех, кто составит заговор с целью ниспровержения «демократии». Следовательно, по Солоновой конституции, ареопаг являлся стражем введенного государственного строя: по словам Плутарха, он должен был подобно якорю предохранять государственный корабль от бурь и волн и удерживать демос в спокойствии, не говоря уже о том, что ареопаг являлся судом по делам об убийстве.

Солон, очевидно, старался обеспечить прочность введенного им строя. Интересен его закон, имевший ту же в сущности цель – предотвратить смуты, охранить существующий порядок и ускорить разрешение кризисов в случае их наступления. Закон этот направлен был

⁵² Keil B. Die Solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte Berlin, 1892. S. 98 f.

против общественного индифферентизма, который способствует продлению кризисов и дает возможность отдельной личности или сравнительно небольшой группе смелых и предприимчивых людей захватывать власть, подчинять инертное и апатичное большинство и всем распоряжаться: ввиду частых восстаний и того, что некоторые граждане вследствие беспечности держали себя в таких случаях особняком, Солон издал закон, гласивший, что если кто во время восстания в городе не возьмется за оружие и не примкнет к той или другой стороне, тот лишается чести и политических прав.

В области уголовного и гражданского права Солон отменил законы Драконта, за исключением тех, которые касались убийств. В этой области господствующей чертой Солонова законодательства является освобождение личности, установление юридического равенства между гражданами; выражаясь словами Солона, он дал «законы, равные для простого и благородного, установив суд правый по отношению к каждому». Солон запретил продавать людей в рабство (за единственным исключением – случая прелюбодеяния со стороны дочери или сестры). Он предоставил каждому право заступаться за обижаемых – обращаться в суд в случае обиды или несправедливости, причиненной другому. Этим он имел в виду помочь слабой массе, как говорит Плутарх, и этим же наносил удар родовому началу, господству родовой знати. Солон предоставил каждому, с некоторыми оговорками, право при бездетности завещать имущество по своему усмотрению, тогда как прежде в таком случае состояние должно было оставаться за родом. Введением свободы завещания наносился новый удар праву родовому.

Подобно некоторым другим законодателям той эпохи, Солон вступил в борьбу с излишней роскошью, отличавшей тогдашнюю аристократию, старался ограничить, например, пышность при похоронах и т. п. Целый ряд его мер имел в виду поднять и развить материальное благосостояние населения, и ему принадлежат первые шаги в этом направлении. Вспомним об установлении известного максимума для поземельных владений с целью предотвратить скупку и соединение многих участков в одних руках, о монетной реформе, путем которой Афины от эгинской системы перешли к эвбейской и которая доставила им новые торговые связи, открыла для них новые рынки. Вообще Солон стремился развить афинскую торговлю и промышленность, что для малопродуктивной Аттики имело большое значение. Он только запретил вывоз полевых продуктов, так как хлеба не хватало для местного населения, и сделал исключение для оливок, которыми страна была богата и культуре которых Солон покровительствовал. Он разрешил составлять товарищества всякого рода, лишь бы они не противоречили государственным законам. Чужеземцам, переселяющимся в Аттику, были предоставлены льготы: если чужеземец, так называемый метек, переселялся со всей семьей или навсегда был изгнан из отечества, то ему давалось в Афинах право гражданства. К труду, который обыкновенно презирался в аристократических общинах Греции, Солон старался вселить уважение и поощрить его. Правда, закон против праздности принадлежит, быть может, не Солону, а Писистрату; но известно, например, что, по Солонову закону, отец, не научивший сына какому-либо ремеслу, не имел права в старости требовать, чтобы сын содержал его. Наконец, Солону принадлежит ряд постановлений, касающихся отношений между владельцами соседних участков, посадки деревьев, рытья колодцев и пользования ими, истребления вредных животных (за истребление волков, например, назначались премии) и др.

Законы Солона начертаны были на аксонах, четырехугольных деревянных вращающихся столпах, а официальные копии их – на каменных столпах, кирбах. Солон взял с афинян клятвенное обязательство хранить его законы в течение известного времени, по одному преданию – 10 лет, по другому – 100. Архонты и впоследствии перед вступлением в должность давали клятву, если преступят какой-либо закон, посвятить золотую статую в Дельфы величинной в человеческий рост.

Достойным завершением дела Солона была амнистия: кто лишен был политических и гражданских прав до архонства Солона, восстанавливался в своих правах, за исключением тех

лиц, которые, будучи осуждены ареопагом, или эфетами, или в Пританее, под председательством «царей», за убийство, нанесение ран и за попытки к тирании, находились в изгнании, когда амнистия была объявлена.

Аристотель в своей «Политике» говорит, что Солон установил древнюю демократию, прекрасно смешав разные начала, причем в ареопаге Аристотель видит начало олигархическое, в выборе должностных лиц – аристократическое (очевидно, тут он придает значение лишь предварительному избранию посредством голосования, игнорируя последующую затем жеребьевку), а в народном суде – начало демократическое. В другом своем произведении, «Афинской политии», Аристотель называет Солона «первым простатом демоса» и от него ведет афинскую демократию. Три дела Солона Аристотель отмечает как особенно демократические: первое и важнейшее – запрещение давать займы под залог «тела», затем – предоставление каждому права заступаться путем суда за обижаемых и, в-третьих, апелляция в дикастериий, в народный суд, «ибо», как сказано уже, «будучи господином в суде, демос становится господином и в государстве» (Ath. Pol., 9).

Вообще в глазах афинян V и IV вв. до Р.Х. Солон был великим законодателем и творцом их демократии, от которого вели свое начало чуть ли не все главные их учреждения. Известно стремление потомков приписывать одному лицу то, что являлось плодом работы нескольких деятелей или даже поколений, олицетворять в одном образе целые периоды развития. И Солону впоследствии приписывалось многое, что в действительности ему не принадлежало, что возникло или раньше, или позже него. Есть исследователи⁵³, которые относятся поэтому крайне скептически к известиям о политических преобразованиях Солона и готовы даже отвергать само существование Солоновой конституции. Мы не находим возможным заходить так далеко и думаем, что в античной традиции, в изложении Аристотеля и Плутарха, при всех преувеличениях заключается все же большая доля истины.

Но строй времен Солона, разумеется, далек был еще от последующей демократии V и IV вв.: Солон лишь заложил часть фундамента, на котором могло быть возведено здание этой демократии. При этом он, быть может, являлся не только нововводителем, но и восстановителем некоторых из тех начал, которые не чужды были искони афинскому общественному строю, но которые подавлены были в эпоху господства знати; быть может, зародыши эти Солон оживил и развил, так как иногда то, что кажется новизной и ломкой, есть лишь возвращение к старине, к исконному порядку; но мы слишком мало знаем достоверного о началах равенства и самоуправления в древней до-Солоновой Аттике, чтобы утверждать это положительно.

Солон был врагом крайностей; «ничего через меру», – говорят, было его девизом. Умеренность, стремление к примирению сталкивающихся интересов и противоположных начал характеризуют Солона: он был преимущественно посредник и примиритель между двумя борющимися сторонами. Так он сам смотрел на себя: «Народу я дал столько власти, сколько надо; а кто имел силу и отличался богатством, и о тех я подумал, чтобы они не испытали ничего неподобающего; я стал, распростерши крепкий щит над обоими, и не позволил ни той, ни другой стороне одержать несправедливой победы». Или: «Я стал словно пограничный столп между ними, как между двумя войсками». По мнению Солона, народ лучше всего следует за вождями, когда он ни слишком распушен, ни угнетен; ибо пресыщение порождает наглость, когда много счастья достается людям, у которых нет благоразумия. По словам Аристотеля, Солон дал народу лишь самую необходимую власть, именно – право выбирать должностных лиц и требовать от них отчета, ибо если бы народ не имел и этих прав, то он был бы рабом и врагом существующего строя (Pol., 1274 a).

⁵³ Например, Б. Низе, К.Ю. Белох, Р.Ю. Виппер.

«Если нужно открыто поставить в упрек народу, – говорит Солон, – никогда бы ему и во сне не видеть того, что он теперь имеет, а те, кто более знатен и силен, должны были бы меня тоже хвалить и считать своим другом».

На самом деле было не то. Солон постигла обычная участь людей, избегающих крайностей и стремящихся к середине. Его реформы в духе умеренности и примирения противоположных интересов не удовлетворили ни той, ни другой партии; они вызвали разочарование и неудовольствие, особенно сисахфия, которая одним казалась мерой слишком крутой и противозаконной, революционной, а другим – недостаточной. Не того ожидали от Солона обе партии. Многие воображали, что он возьмет в свои руки диктатуру и сделается тираном. Каждая из борющихся сторон надеялась, что он примкнет к ней и будет действовать в ее интересах. Знатные думали, что он оставит прежний порядок нетронутым или лишь слегка его изменит; демократ мечтал о всеобщем земельном переделе. Но Солон такой передел называл «грабежом» и был против того, чтобы «благородные и простые владели равной частью тучной родной земли»⁵⁴.

Стоило Солону только захотеть и примкнуть к одной из партий, и он был бы тираном; но он оттолкнул от себя обе крайние партии, предпочтя «благо и спасение государства» своим личным выгодам: ему «не нравилось», по его собственным словам, «совершать что-либо путем насилия и тирании»; он хотел действовать «силой закона». В этом – великое нравственное значение личности Солона. Другой на его месте, замечает он, «не сдержал бы народа и не остановился бы, пока не снял бы сливок и не взболтал молока». «Если бы, как я, взял бразды другой, зломыслящий и корыстолюбивый человек, не сдержал бы он демоса; если б я желал исполнить то, что нравилось тогда одним, и то, что советовали другие, многих мужей потерял бы этот город».

Разочарование и недовольство крайних партий было велико. «Тщетное они задумывали, – замечает Солон по поводу раздела земли, – а теперь сердясь смотрят косо на меня, словно на врага». Ему приходилось защищаться со всех сторон, «как волку среди стаи псов». «Не был Солон мужем совета и глубокого разума» – так передает он сам замечания, направленные против него из-за того, что он не сделался тираном; «когда бог давал ему счастье, сам он не взял; поймав большую добычу, он, изумленный, не вытащил сети: духу не хватило и рассудок потерял». Но Солон знал, что «в великом деле трудно всем угодить», и если он не захватил тирании, не запятнал своей славы, то он несколько не стыдился своего образа действий; ибо таким способом он думал скорее победить всех. С чувством нравственного удовлетворения Солон мог сказать: «Я исполнил, что обещал». Он мог призвать в свидетели «мать-землю черную, прежде порабощенную, ныне свободную», возвращенных им из рабства и законы, равные для всех⁵⁵. Солон вывел Афины из тяжелого кризиса, смягчил его и отнял у него острый характер. И без сисахфии Солон, без его бескорыстной, примиряющей деятельности, кто знает, чем бы еще кончился этот кризис. Преобразования Солон оставили глубокий след в афинской истории. Его дело не было мертворожденным. Многие его законы и созданные им учреждения оказались долговечными, пережили его и последующие смуты, самую тиранию. Зародыши и начала, положенные Солоном, выросли и потом пышно развились. Некоторые положения перешли и в римское право, а оттуда – в современное⁵⁶.

Но плоды Солоновой деятельности обнаружились больше впоследствии. Непосредственно же последовавшие затем события показали, что великому законодателю все же не суждено было иметь полного успеха, что введенный им строй неустойчив. Сами его реформы, особенно сисахфия, некоторых разорившая, крайних партий не успокоили и не примирили,

---

⁵⁴ Слова Солон цитирует Аристотель в «Афинской политике».

⁵⁵ Стихотворение Солон, цитируемое в 12 гл. «Афинской политике» Аристотеля.

⁵⁶ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. II. Stuttgart, 1983. S. 660.

а напротив явились на первых порах новым источником недовольства и смут⁵⁷. Оказалось, что, несмотря на деятельность Солона, Афины не могли миновать той ступени, которую проходили обыкновенно греческие государства на пути к демократии, – тирании.

Новые смуты и тирания Писистратидов

Первые годы после Солонова законодательства прошли спокойно; по крайней мере, внутренний мир и установленный Солоном порядок не были явно нарушены. Но «на пятый год после архонтства Солона» дело дошло уже до того, что афиняне вследствие смут не могли выбрать первого архонта. Через четыре года повторилось то же; афиняне опять не имели архонта по причине смут, а затем через такой же промежуток времени избран был в архонты Дамасий, который показал себя явным узурпатором: он самовольно оставался в должности более двух лет, пока не был «прогнан силой». Тогда состоялось соглашение между партиями: постановлено было избрать десять архонтов: 6 из эвпатридов, 3 из агройков, т. е. геоморов, и 2 из демиургов⁵⁸. События эти относятся к концу 80-х гг. VI в.

В этих смутах в борьбе из-за архонтата Аристотель с полным основанием видит доказательство того важного значения, какое имела тогда должность первого архонта. Борьба шла, по всей вероятности, между знатными и незнатными. Нельзя не заметить в этих смутах известной правильности, периодичности: быть может, не случайно «анархия», невозможность выбрать архонта, оба раза повторяется через один и тот же промежуток времени – четыре года. К сожалению, мы не имеем возможности уяснить себе подробнее ход и связь событий.

Что касается Дамасия, то, очевидно, он стремился к тирании, но на кого он опирался – на демос или на эвпатридов, мы не знаем. Ясно одно, что свержение его и избрание 10 архонтов является торжеством неэвпатридов – половина мест в коллегии архонтов была предоставлена им – и что тут сделаны были важные уступки со стороны эвпатридов. В совершившейся перемене можно видеть как бы реакцию против Солоновых реформ: вместо пентакосиомедимнов перед нами тут опять до-Солоновы сословия, и введенный Солоном порядок, предоставлявший высшие должности пентакосиомедимнам, был несомненно нарушен. По всей вероятности, и тот смешанный способ избрания архонтов, который введен был Солоном, комбинация голосования и жребия, был отменен или не применялся в это смутное время. Число архонтов – 10 – столь необычно, что кажется странным и на первый взгляд вызывает недоумение. Но обстоятельства вообще были исключительные, и если произошел столь необычный факт, как избрание архонтов из эвпатридов, геоморов и демиургов, то не удивительно, что и само число архонтов было не традиционное, а исключительное. Избранием 10 архонтов, из которых половина была из знатных, а другая половина – из незнатных, устанавливались компромисс и известное равенство между эвпатридами и неэвпатридами⁵⁹.

Это нововведение просуществовало, однако, недолго, и борьба партий продолжалась. По-прежнему для одних причиной недовольства было уничтожение долговых обязательств, повлекшее за собой их обеднение; другие не довольны были крупными переменами в государственном строе; третьи не удовлетворены были этими переменами, а некоторые вели борьбу просто вследствие взаимной вражды.

---

⁵⁷ *Хвостов М.М.* Сисахфия Солона и разложение эвпатридского землевладения // *Филологическое обозрение*. Т. XIII. 1897.

⁵⁸ *Aristot. Ath. Pol.*, 13.

⁵⁹ Существует предположение (высказанное также Эд. Мейером: *Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte*. Bd. II. Halle, 1899. S. 537 f.), что 10 архонтов – это комиссия, заменявшая лишь первого архонта, рядом с которой существовали остальные архонты – базилевс, полемарх и фесмофеты. Такое предположение не лишено вероятности и хорошо согласуется со свидетельством Аристотеля в «Афинской политике».

В то время в Аттике выступают три партии, каждая со своими стремлениями и со своими вождями из эвпатридов. Партии носили названия от местностей, где они сосредоточивались. Это были, во-первых, педиеи (или педиаки), жители «равнины», самой плодородной части Аттики, крайняя аристократическая партия, состоявшая из богатых землевладельцев-эвпатридов и стремившаяся к реакции, к уничтожению того, что сделано было Солоном, и к восстановлению старого, досолоновского порядка. Во главе педиеев стоял Ликург. Во-вторых, паралы или паралии, жители «береговой полосы», партия умеренная, сторонница «средней политики», по словам нашего источника, т. е. по всей вероятности – строя, введенного Солоном. Состояла она преимущественно из торговцев и ремесленников, представителей не столько землевладельческой и родовой знати, сколько движимости, хотя в составе ее были и земледельцы. Вождем паралов был Мегакл, из фамилии Алкмеонидов, зять сикионского тирана Клисфена. Наконец, третья партия – диакриев, сосредоточивавшаяся главным образом в бедной, мало-плодородной, холмистой части Аттики. Состояла она из фетов, мелких крестьяне и пастухов, поденщиков и батраков. К ней примкнули также те, кто вследствие Солоновой сисахфии лишился получения долгов и обеднел, и нечистокровные афиняне, опасавшиеся исключения из числа граждан. Это была партия наиболее демократическая, радикальная, раздраженная против богатых, неудовлетворенная Солоновыми реформами, мечтавшая о коренном перевороте, переделе земли и т. п.

Во главе диакриев стал Писистрат, по происхождению тоже аристократ, снискавший себе особую популярность в народе. Он имел славу счастливого полководца. В возобновившейся войне с Мегарами он завоевал мегарскую гавань Нисею и окончательно упрочил за афинянами обладание Саламином⁶⁰. С военными заслугами и доблестями Писистрат соединял обходительность, умение располагать к себе массу; он приходил на помощь бедным, обнаруживал гуманное отношение даже к врагам, а больше всего, казалось, любил равенство⁶¹. Он-то и выступил в роли вождя и защитника демоса, пролагая себе путь к тирании.

Солон, вскоре после своего законодательства покинувший было Афины, чтобы избегнуть докучливых вопросов и порицаний, и теперь давно вернувшийся из десятилетнего путешествия, ясно видевший, к чему клонится дело, тщетно предостерегал афинян от опасности, грозящей их свободе: «Из тучи идет снег и град, из блестящей молнии происходит гром; от великих же людей государство гибнет. Народ по неведению попадает в рабство к монарху; слишком высоко поднявшегося нелегко потом сдержать; надо теперь обо всем размыслить». Но предостережений Солона не слушали. «Если вы, – говорил он потом, обращаясь к афинянам, – по собственной глупости потерпели, не возлагайте вины на богов; ибо вы сами взрастили этих тиранов, дав им силу, и поэтому терпите злую неволю. В отдельности каждый из вас идет по стопам лисицы, а сообща у вас – ум слабый. Ибо вы смотрите на язык и на слова вкрадчивого мужа, а на дело совсем не глядите».

Известен рассказ о том, как Писистрат, нарочно ранив себя, явился на площадь к народу, жаловался на преследования врагов и просил дать ему охрану. До нас дошло даже имя того лица, по предложению которого постановлено было удовлетворить просьбу Писистрата; это – некий Аристон или Аристион. И вот Писистрат, опираясь на отряд телохранителей – «дубиноносцев», палочников – завладел акрополем и сделался тираном (561/60 г.).

На первый раз, однако, Писистрату недолго пришлось властвовать. Прежние соперники, Мегакл, стоявший во главе паралов, и Ликург, предводитель педиеев, соединились против него, и он принужден был покинуть Афины. Писистрат удалился в Марафон, средоточие его партии, диакриев.

⁶⁰ К этому времени, по мнению большинства ученых, относится афинское постановление, касающееся земельных участков на Саламине и дошедшее до нас в обрывках надписи.

⁶¹ Plut. Sol., 29.

Но с удалением Писистрата рушился союз Мегакла с Ликургом, и Мегакл вступил в соглашение с Писистратом; между ними условлено было, что Писистрат возвратится в Афины и женится на дочери Мегакла. Рассказывают, будто для захвата Афин ими пущена была в ход такая уловка: одну высокую, красивую женщину нарядили богиней Афиной; она стала на колесницу, рядом с ней Писистрат, и таким образом направились к городу, а впереди шли герольды и провозглашали, что сама Афина возвращает Писистрата в свой акрополь. Жители верили и падали ниц перед мнимой богиней. Геродот, также передающий этот рассказ (I, 60), изумляется, как могли тогдашние афиняне, отличавшиеся своим развитием, поверить подобной нелепости...

Так Писистрат вторично завладел властью, но опять не надолго. Он скоро разошелся с Мегаклом и должен был оставить Афины. На этот раз он удалился на македонское побережье, у Фермейского залива, а оттуда – на берега реки Стримона, в окрестности Пангея, местность, богатую металлами, где он владел рудниками и где впоследствии в V в. афиняне так старались утвердиться, основав Амфиполь. Добыв средства и наняв войско, Писистрат отправляется на остров Эвбею, в Эретрию, в которой господствовала олигархия «всадников», оказавшая ему ревностное содействие. Он входит, кроме того, в дружественные связи с богатым и влиятельным наксосцем Лигдамидом, с Аргосом, давшим ему отряд войска, с фиванцами, поддерживает сношения со своей партией в самой Аттике и зорко следит за тем, что происходит в Афинах. Теперь с оружием в руках он думает овладеть властью, вступает с войском в Аттику и в битве при Паллене наносит поражение своим противникам. Путь в Афины после этого был ему открыт. На этот раз Писистрат прочно утвердился во власти, сохранил ее до самой смерти и передал ее своим сыновьям⁶².

Торжество Писистрата было ударом для эвпатридов. Некоторые из его соперников и противников пали, другие волей или неволей удалились из Афин; большая часть их имений была конфискована; третьи покорились власти тирана. Но государственных учреждений и законов Писистрат не тронул. По-прежнему существовал, например, ареопаг, и рассказывают даже, что Писистрат, кем-то обвиненный, предстал на суд его; но обвинитель не явился. По-прежнему существовал и архонтат; только Писистрат старался проводить на эту должность своих родственников: по-видимому, смешанная система выборов, введенная Солоном, при которой, благодаря жребию, могли проходить в архонты лица, нежелательные для тирана, не применялась и заменена была прямым голосованием. Граждан Писистрат постарался разоружить. В его распоряжении были отряд войска и богатые материальные средства. Из рудников на берегах Стримона он получал большие доходы. Кроме того, он установил сбор в размере одной десятой или, по другому свидетельству, одной двадцатой части с дохода.

Но не только это служило опорой Писистрату. Античное предание, которое нельзя заподозрить в сочувствии к тирании и которое прославляло тираноубийство, рисует нам Писистрата в образе гуманного, мягкого, снисходительного властителя, соблюдающего законы, правящего «умеренно, скорее как гражданин, нежели как тиран». Такими качествами и образом действия Аристотель объясняет, почему, будучи изгнан, Писистрат снова легко захватывал власть и под конец удержал ее за собой: его возвращения желало большинство как знатных, так и демоса; одних он привлекал ласковым обращением, других – помощью в их частных делах, и с теми и другими он был хорош, говорит Аристотель.

⁶² Хронологические данные касательно тирании Писистрата, сообщаемые нашими источниками, в особенности «Афинской политией», чрезвычайно сбивчивы и противоречивы. См. в моей книге: *Бузескул В.П.* Афинская Полития Аристотеля...; также см. у *Г. Бузольты* и др. *К.Ю. Белох* и *Эд. Мейер* отвергают двукратное изгнание и возвращение Писистрата; они допускают не три, а только два периода его тирании, и принимают приведенные выше рассказы о его возвращении за различные версии об одном и том же событии. Но доводы их не убедительны: рассказы о том и другом возвращении Писистрата не имеют между собой ничего общего; это вовсе не два варианта, касающиеся одного и того же факта.

Особенно заботился Писистрат о сельском классе⁶³. Всеобщего передела земли, о котором мечтала крайняя партия, и он не совершил; но есть предположение⁶⁴, что за смертью и удалением из Аттики многих знатных Писистрат получил возможность распорядиться землями, которые были им конфискованы, и роздал их мелким земледельцам, прежним гектемомам, которые таким образом стали собственниками обрабатываемых ими участков. Источники об этом не говорят, но и они свидетельствуют, что Писистрат нуждающихся снабжал скотом и семенами, давал им в ссуду деньги на обработку земли и проч. Словом, он открыл для сельского населения государственный кредит. Делал он это, по словам Аристотеля, для того чтобы масса не скоплась в город и чтобы она, пользуясь умеренным достатком и занимаясь своими частными делами, не имела ни желаний, ни досуга заниматься делами общественными; вместе с тем при развитии земледелия увеличивались и доходы Писистрата, так как он взимал известную долю с продуктов. Но Писистрат действовал тут не только как хитрый и властолюбивый тиран, желавший обезопасить себя, но и как дальновидный государственный человек; тонкий расчет и личная выгода соединялись здесь с удовлетворением насущных интересов народа. Лучшее средство упрочить свою власть Писистрат видел в поднятии благосостояния массы; он полагал, что население, пользующееся достатком, не будет стремиться к перемене, к свержению его власти. В деле экономических реформ Писистрат пошел дальше по пути, на который вступил Солон; он завершил тут то, что начато было Солоном; он коснулся самого корня зла, от которого страдала масса земледельческого населения и от которого не могла ее радикально освободить даже сисахфия и другие меры Солона. Открыв кредит и оказав помощь земледельческому классу, Писистрат устранил сами причины тяжкого положения этого класса и сделал для Аттики невозможным в будущем повторение того экономического кризиса, который она пережила в конце VII и в начале VI в. Благосостояние массы, а вместе и дальнейший рост демоса были им упрочены. После Солона и Писистрата мы больше уже не слышим ни о земледельческом кризисе, ни о гектемомах и их печальной доле в Аттике.

Большое внимание Писистрат обращал на правосудие. Он часто сам объезжал страну, на месте разрешая споры и надзирая за правосудием. Для сельского населения он учредил «судей по демам», т. е. по сельским общинам, волостям. Аристотель объясняет это тоже заботой о том, чтобы население не покидало своих полей и не являлось в город. Но, кроме того, могли здесь действовать и другие мотивы: учреждение судей по демам было в интересах массы и правосудия; суд делался более доступным и близким населению; вместе с тем еще более подрывалось влияние и могущество местных знатных родов.

При Писистрате в Афинах развилась широкая строительная деятельность: предпринята постройка новых храмов, полезных сооружений вроде водопровода и водоема (Эннеакрунос), что для города, нуждавшегося в воде, было очень важно; проведены прекрасные дороги из Афин в окрестности, причем тут главная заслуга принадлежала одному из Писистратовых сыновей, Гиппарху, и т. д. Все это способствовало не только украшению и благоустройству города, но и давало заработок рабочим и ремесленникам, имело, следовательно, значение социально-политической меры⁶⁵. Тут, как и в некоторых других отношениях, Писистрат является предшественником Перикла. При нем же введено содержание на государственный счет инвалидов, получивших увечье на войне.

Вообще Писистрат, по словам Аристотеля, не угнетал народа, но доставлял ему внутренний мир и спокойствие, и впоследствии часто говорили, что «время Писистратовой тирании — это век Кроноса», золотая пора (Ath. Pol., 16). В истории развития афинской демократии тира-

⁶³ *Cauer F.* Parteien und Politiker in Megara und Athen. Stuttgart, 1890. S. 92 f.

⁶⁴ *Busolt G.* Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. II. S. 327—328.

⁶⁵ Феофраст приписывает Писистрату закон против праздности, тогда как другие относят этот закон еще ко времени Солона и даже Драконта.

ния Писистрата является важным моментом, подготовкой к последующему господству демоса: она должна была содействовать социальному и политическому равенству; знатные должны были подчиниться общим для всех законам и господствовавшей над всеми власти тирана; реакционные попытки эвпатридов были подавлены; страстная борьба и смуты на время улеглись; Солоновы законы, не тронутые Писистратом, могли войти в самую жизнь; благосостояние массы поднялось; демос окреп.

В истории внешнего могущества Афин правление Писистрата занимает также чрезвычайно важное место. Афинский тиран далеко простер политические связи и свое влияние. Он имел опору и извне. Писистрат находился в союзе с Фивами, Фессалией, Эретрией, Аргосом и Поликратом Самосским; он был в дружественных отношениях со Спартой. Он покорил Наксос и поставил там правителем или тираном своего союзника Лигдамида; совершил религиозное очищение на Делосе и таким образом расположил в свою пользу этот священный остров; завоевал Сигей, из-за которого борьба шла еще в конце VII в., а теперь, по-видимому, возобновилась, и посадил в нем одного из своих сыновей; имел владения у Фермейского залива и Пангея. Наконец, при нем и при его поощрении представитель одной из самых влиятельных афинских фамилий, Мильтиад, о котором Геродот говорит как о династе, утвердился в Херсонесе Фракийском, лежавшем на пути в Понт, и положил там начало афинскому господству. Мы видим таким образом, что уже при Писистрате афинскому влиянию подчинены были важнейшие из Киклад, что афиняне уже тогда стали ногой на македонском побережье и у Геллеспонта, пунктах, чрезвычайно важных в торговом и стратегическом отношении, и там, где впоследствии так широко распространилось афинское господство. Наряду с расширением политического могущества развивались, разумеется, и торговые связи, обеспечивались сношения, например, со странами Припонтийскими. Словом, при Писистрате уже было как бы намечено то, что совершено Афинами в V в., в пору расцвета их демократии и внешнего могущества. Писистрат является тут предшественником Фемистокла и Аристиды, Кимона и Перикла, и история Афин V в. представляет ряд фактов, аналогию и прецеденты которым мы встречаем в истории предшествующей – в эпоху тирании.

Эта эпоха является важной и в истории искусства, в частности – пластики и керамики. Тогда совершались крупные перемены и в религиозной, и в умственной сфере; обнаруживались новые течения, и течения эта находили себе покровительство и поддержку при дворе афинского тирана. Подобно некоторым другим тиранам, Писистрат содействовал развитию культа Диониса, бога земледельческого, сельского класса, а в особенности – культа Афины: между прочим, по-видимому, с его времени ведет начало праздник Великих Панафиней. Писистрат и его сыновья покровительствовали поэтам. Вообще при дворе афинского тирана обнаруживалась живая умственная и поэтическая деятельность. Некоторые черты тут могут напомнить нам эпоху итальянского Возрождения.

Писистрат умер в старости в 528/27 г. Власть перешла к его сыновьям. Из них более выдавались Гиппий и Гиппарх⁶⁶, которые и стояли во главе дел. Руководил правлением собственно Гиппий, как старший и одаренный от природы способностями государственного деятеля. Гиппарх же был любитель муз и друг поэтов – Анакреонта, Симонида и др., которых он приглашал в Афины; он ближе стоял к искусству и к литературе. Это был «Лаврентий Великолепный древности», по выражению одного немецкого историка.

Первое время по смерти Писистрата его сыновья правили таким же образом, как и он. Но положение сыновей было затруднительнее. Владычество тиранов становилось тягостным не для одних только эвпатридов, но и для демоса, прежде столь нуждавшегося в тирании как

⁶⁶ О сыновьях Писистрата главными источниками служат, с одной стороны, сообщения Фукидида (I, 20; VI, 54 sq.), с другой – Аристотеля в «Афинской политике» (17 sq.). Известия Аристотеля сбивчивы и противоречивы, по крайней мере, в дошедшем до нас тексте. Об этом в моей книге: *Бузескул В.П. Афинская Политика Аристотеля...* С. 371 сл.

демократической диктатуре, а теперь бывшего в состоянии обойтись и без нее, начинавшего стремиться к большей самостоятельности и свободе. Притом сыновья Писистрата не имели за собой тех заслуг, которые делали их отца столь популярным и которые в глазах многих давали ему право на власть; они должны были сознавать, что их власть не имеет законной почвы. Вдобавок они иногда позволяли себе по отношению к отдельным лицам поступки, которые должны были вызывать раздражение и месть. Одним из таких поступков и был вызван заговор Гармодия и Аристокитона.

Гармодий и Аристокитон были двое молодых афинян, связанные между собой любовью – известно, что в Греции влюблялись не столько в женщин, сколько в юношей. Гиппарх, воспламенивший страстью к Гармодию, но отвергнутый им, нанес оскорбление его сестре⁶⁷, устранив ее, как недостойную, от участия в процессии. Тогда Гармодий и Аристокитон решились отомстить и составили заговор с целью убить тиранов. Они хотели привести в исполнение это во время празднования Панафиней. Но замысел их не вполне удался: заговорщикам удалось умертвить лишь Гиппарха. Гармодий погиб тут же на месте, а Аристокитон – потом.

Заговор Гармодия и Аристокитона был делом личной мести; лишь личное оскорбление побудило этих молодых афинян взять на себя роль освободителей Афин; о свободе и демократии Гармодий и Аристокитон, в сущности, не думали, и не они освободили Афины от тирании. Но фантазия народная идеализировала Гармодия и Аристокитона; легенда сделала из них борцов за свободу, освободителей от ига тиранов, приписала им стремления, которых они не имели, и дело, которого они не совершили. Память о Гармодии и Аристокитоне долго хранилась в Афинах; их чтили как тираноубийц и освободителей; им воздвигнуты были статуи на площади; полемарх приносил им жертвы как павшим за отечество; потомки их пользовались льготами и привилегиями, например обедом в Пританее, освобождением от налогов, расходов по культу и проч. О них вспоминали во время пиршеств в застольных песнях. «Не умер ты, дорогой Гармодий, – говорится, например, в одной из таких песен, – но пребываешь на островах блаженных, вместе с быстроногим Ахиллом и Тидидом Диомедом». По словам другой, слава Гармодия и Аристокитона будет вечной, так как они «тирана убили и афинян сделали равноправными». Все это показывает нам, как смотрели впоследствии в демократических Афинах на тиранию и тираноубийство.

После гибели Гиппарха Гиппий стал подозрительнее, суровее. Тирания сделалась жестокой: Гиппий мстил за смерть брата, многих казнил и изгнал; но этим внушал к себе еще больше недоверия и ненависти. Между тем Писистратиды лишались опор извне, одного союзника за другим: пали Лигдамид Наксосский и Поликрат Самосский; персы овладели Сигеем и Херсонесом Фракийским. В самих Афинах оппозиция против тирании росла, а за границей Аттики действовали политические изгнанники. Во главе их были Алкмеониды, которые и берутся за низвержение тирании.

Алкмеониды были знатны, богаты и могущественны. Их связи простирались далеко, даже за пределы Греции. Представители этой фамилии были в родстве или в дружбе с тиранами Сикиона, с царями Лидии и т. д. Даже живя в изгнании, Алкмеониды являлись опасными врагами для Гиппия. Правда, первая попытка их вторгнуться в Аттику и низложить тиранию окончилась неудачной для них битвой при Липсидрии. Но вскоре Алкмеониды нашли средство для достижения своей цели: они приобрели могущественного по своему влиянию союзника

---

⁶⁷ По версии Аристотеля, если держаться буквально текста, виновником оскорбления, нанесенного Гармодию и его сестре, является другой сын Писистрата, Фессал. Разногласие с Фукидидом есть и в деталях (подробности – в моей книге: *Бузескул В.П. Афинская Политика Аристотеля*. . . С. 212 сл., 374 сл.). Свидетельство Фукидида заслуживает предпочтения и не только потому, что его авторитет стоит вообще выше авторитета Аристотеля как историка, и не только потому, что Фукидид по времени был ближе к событию, но главным образом потому, что он на историю сыновей Писистрата обратил особенное внимание, имея в виду опровергнуть неверные версии, пользовался тут документальными данными и относительно фамилии Писистратидов был хорошо осведомлен.

в лице Дельфийского оракула. Храм в Дельфах сгорел, и Алкмеониды условились построить его вновь, причем отстроили его с большим великолепием, чем обязаны были по договору⁶⁸, и этим, разумеется, приобрели расположение дельфийских жрецов.

С этих пор оракул был на стороне Алкмеонидов и побуждает Спарту положить конец тирании в Афинах: каждый раз, когда спартанцы обращались с каким-либо вопросом в Дельфы, пифия повторяла одно – они должны освободить Афины. Но были, кроме того, и чисто политические мотивы, побуждавшие Спарту выступить против Писистратидов: это – союз последних с Аргосом, давнишним соперником и врагом Спарты. И вот спартанцы отправляют морем в Аттику против Гиппия небольшой отряд; но отряд этот, высадившись, терпит поражение. Теперь задеты были уже честь и самолюбие Спарты. Во главе большого войска в Аттику является сам спартанский царь Клеомен. Гиппий заперся в акрополе. Клеомен вместе с афинянами, «желавшими свободы», осаждает его. Гиппий, после того как его сыновья, которых он хотел отправить в безопасное место, попали в руки осаждающих, вступил в переговоры. Он должен был покинуть Аттику и удалился в Сигей, под покровительство персов.

Так положено был конец тирании в Афинах в 510 г. до Р.Х.

Реформы Клисфена

С падением тирании в Афинах возобновилась внутренняя борьба: Исагор, сын Тисандра, боролся с Клисфеном Алкмеонидом, освободителем Афин. Исагор стоял во главе аристократической партии, думавшей, вероятно, воспользоваться падением Писистратидов в своих видах и стремившейся к реакции в антидемократическом духе. Аристотель называет его «другом тиранов»: может быть, Исагор принадлежал к тем аристократам, которые примирились с властью Писистратидов и теперь готовы были протянуть руку сторонникам изгнанного Гиппия против общего их врага, Клисфена.

Клисфен принадлежал к фамилии Алкмеонидов, которая сыграла такую видную роль в афинской истории. Как известно, один из представителей этой фамилии, Мегакл, был архонтом во время Килонова восстания, при подавлении которого совершено было святотатство. Другой представитель, Алкмеон, был предводителем афинян в Священной войне, предпринятой в защиту интересов Дельф; он был первый афинянин, победивший в Олимпии на колеснице, запряженной четверкой лошадей, и вообще выдавался своим богатством, своими связями с царями Лидии. Третий – Мегакл, зять сикионского тирана Клисфена, – был соперником Писистрата и вождем паралов. Его сыном и был тот Клисфен, который явился освободителем Афин от ига тирании и одним из величайших афинских законодателей, основателем афинской демократии.

Еще после Килонова восстания, когда состоялся приговор над святотатцами, начался, как известно (см. выше), разрыв между Алкмеонидами и остальной знатью. Теперь, когда партия Исагора оказалась сначала сильнее, побежденный ею Клисфен решительно становится вождем демоса. По словам Аристотеля, он привлек его на свою сторону, отдавая государственное управление массе (Ath. Pol., 20).

Тогда Исагор обращается за помощью к спартанскому царю Клеомену. Говорят, личные мотивы, связи с семьей Исагора, побуждали Клеомена поддержать вождя аристократической партии. Но и помимо этого Спарта не могла, конечно, сочувствовать усилению демократии в Афинах: не для того она так содействовала освобождению их от тирании. И вот, по зову Исагора, в Афины является спартанский царь Клеомен с войском. Чтобы нанести поражение Клисфену, враги его вспоминают о святотатстве, совершенном некогда во время смут Килона,

---

⁶⁸ Так говорит Геродот (V, 62 sq.). У Аристотеля в «Афинской политике» – другая версия, по которой постройка храма доставила Алкмеонидам средства для осуществления их плана, т. е., по всей вероятности, Алкмеониды получили известную сумму в свое распоряжение для постройки и употребили часть ее на предприятие против Писистратидов.

и Клисфен должен был со своими приверженцами бежать из Афин; до 700 семейств было изгнано тогда под тем предлогом, что они запятнаны скверной святотатства. Но когда Клеомен вздумал распустить совет и вручить власть над Афинами Исагору и 300 из его сторонников, то совет не повиновался и оказал стойкое, мужественное сопротивление. На защиту совета собрался народ, и Клеомену вместе с своим отрядом и с Исагором пришлось искать убежища в акрополе. Два дня спартанцы выдерживали осаду; а на третий заключена была капитуляция, в силу которой спартанцы должны были удалиться. С ними ушел и Исагор; прочие сторонники Клеомена были преданы казни, Клисфен же и его приверженцы возвратились в Афины.

Итак, Клисфен вышел из борьбы победителем, привлеки на свою сторону демос. Такие события, как смуты после Солонова законодательства, как тирания Писистрата и, наконец, сама борьба с Исагором, ясно показывали, что афинскому строю недостает устойчивости, и Клисфен выступает преобразователем этого строя в более демократическом духе. Между ним и Солоном – большое различие: Солон – посредник между партиями, а Клисфен – вождь партии, решительно ставший на сторону демоса; при нем мы видим победу демократических начал, и в этом смысле если кого можно назвать основателем и творцом истинной демократии в Афинах, то, скорее всего, Клисфена. Его реформы направлены были к тому, чтобы доставить решительный перевес началам демократическим над аристократическими. Со своими планами Клисфен мог выступить еще среди борьбы, раньше полного торжества над соперником, но возможность провести их настала лишь тогда, когда Исагор был окончательно побежден.

В ряду Клисфеновых реформ самая главная – введение новых десяти фил. Начало проведения этой реформы относится еще к году архонтства Исагора, т. е. к 508/07 г.

Реформы Солона и тирания Писистрата немало сделали для усиления демоса и ограничения аристократии. Но все-таки знатные роды фактически пользовались еще громадным влиянием в государстве, и в Афинах до тех пор не могло быть демократии в действительности, пока аристократия оставалась своего рода замкнутым, тесно сплоченным сословием, пока старинные четыре филы сохраняли политическое значение, так как в этих филах преобладала знать и подчиняла своему влиянию остальные элементы. И вот, чтобы сломить окончательно могущество аристократических родов, Клисфен отнимает у прежних четырех фил политическое значение и, оставив за ними лишь роль родовых и религиозных союзов, создает новые десять фил, между которыми все граждане Аттики распределяются не по своему происхождению, а по месту жительства, и к которым переходит политическое влияние, так как теперь применительно к этому новому делению организуются и государственные учреждения, должности, участие граждан в служении государству – в управлении и в войске. Эти новые филы тоже составляли своего рода корпорации, с собственным имуществом и управлением, с собраниями, происходившими в Афинах. Во главе них стояли выборные эпимелеты.

Но Клисфеновы филы не представляли собой сплошных территорий. Вспомним, что в Аттике существовали одно время партии, группировавшиеся по местностям, что известные уже нам педиеи, паралы и диакрии соответствовали трем районам страны, из которых в каждом господствовала одна из этих партий. Надо было предотвратить развитие обособленности различных частей Аттики, развитие местных партий, преобладание местных интересов над общими; надо было по возможности «перемешать» население, как выражается Аристотель. Клисфен достигает этого следующим образом. Вводя новые филы, он разделил Аттику на 30 частей, из которых 10 находились вокруг города, 10 – вдоль берега, а 10 – в середине страны, и эти 30 частей, называвшихся триттиями, т. е. третями, распределены были по жребию между 10 новыми филами, по 3 триттии на филу, так, чтобы каждая фила имела свою часть во всех местностях. Другими словами, каждая фила состояла из 3 триттий, которые лежали в 3 разных районах: одна – в городском округе, соответствовавшем педиее, другая – в береговой полосе, паралии, и третья – в середине Аттики, где была прежняя диакрия. Таким образом, в состав каждой филы входили части из разных районов. В противоположность филам триттии явля-

лись сплошными территориями, в $1\frac{1}{2}$ —2 кв. мили каждая, с равным приблизительно числом жителей. Они были посредствующим звеном между филлами и демами, на которые разделена была территория Аттики и которых было в общем более 100⁶⁹.

Таким образом, демы являлись дальнейшим подразделением филл и триттий. Распределены они были по триттиям, так что принадлежавшие к одной и той же филле демы расположены были в упомянутых трех разных округах, причем те из них, которые входили в состав одной и той же триттии, лежали рядом, в непосредственном соседстве один с другим, а демы, принадлежавшие хотя бы и к одной и той же филле, но к разным триттиям, находились в разных районах Аттики.

Что касается самого города Афин, то Клисфен не причислил его к одной какой-либо филле, а разбил на несколько демов, принадлежавших к разным филлам, с целью не допустить преобладания одной какой-либо филлы над прочими; города — над остальной страной, и предотвратить антагонизм между ними, так как если бы Афины составили отдельную филлу или целиком вошли в состав одной какой-либо, то такая филла заняла бы, конечно, особое, привилегированное положение. Существовал, как уже упомянуто, целый городской округ, не ограниченный только столицей и ее ближайшими окрестностями, а занимавший сравнительно большое пространство, округ, в котором каждая филла имела своих представителей, свои демы.

Со времени Клисфеновой реформы при имени гражданина, особенно в официальных случаях, ставилось имя его отца и название дема, к которому тот принадлежал: «такой-то» (имя), «такого-то» сын, «оттуда-то», т. е. из такого-то дема. Гражданин мог жить в каком угодно дему, мог приобретать там собственность, но числился он и пользовался правами «демота» (т. е. члена дема) в том, к какому он или его предки были первоначально приписаны: перемена местожительства не влекла за собой перемены дема. Живущий в чужом дему гражданин должен был платить особый налог.

Демы были различной величины и с неодинаковым числом населения. Были, например, малолюдные демы, всего в несколько десятков демотов, и такие многолюдные, как Ахарны, способные выставить, если верить Фукидиду, до 3000 гоплитов. Население Ахарн — по преимуществу угольщики, люди смелые, грубые, «сильные, крепкие, словно дуб, старики, истые марафонские воины», как характеризует их Аристофан в своей комедии «Ахарняне». Вообще почти каждый дем имел, так сказать, свою определенную физиономию.

Названия демам даны были по расположенным в них местечкам или селам, по отдельным лицам или фамилиям, там жившим или считавшимся основателями поселения, по занятиям жителей и т. п. Разумеется, Клисфен не создал вновь из ничего свои демы. В известном смысле, как городки, местечки и селения, они существовали и раньше: еще Писистрат, как мы видели, установил судей по демам. Но Клисфен определил границы демов, избрал для них известный центр, утвердил за ними официальные названия, распределил по филлам и триттиям, привел в связь с общим государственным строем, а главное — дал им особую организацию и предоставил самоуправление⁷⁰. Уже он отлично понимал, что без такой основы, без местного самоуправления, непрочно будет и сама демократия, и политическая свобода.

Демы имели свое общинное управление, своих должностных лиц, свои собрания, свои общинные земли, свои средства, свои жречества, празднества. Во главе дема стоял выборный, ежегодно сменявшийся демарх. Он созывал собрания дема, председательствовал в них, руко-

⁶⁹ Слова Геродота (V, 69), из которых выводили заключение, что при Клисфене демов было 100, надо понимать, вероятно, в том смысле, что демы были распределены между филлами по 10 группам. Во всяком случае, при Клисфене демов было не 100, а больше. *Страбон* (IX, 1, 16) упоминает о 174 демах; из надписей известны названия около 190 демов. Число их могло увеличиться впоследствии, уже после Клисфена. — О демах на рус. яз. см. статью: *Ленер П. X.* К вопросу о демах Аттики // ЖМНП. 1891, ноябрь—декабрь; 1893, февраль—март. Ср.: *Milchhöfer A.* Untersuchungen ueber die Demenordnung des Kleisthenes. Berlin, 1892. 55 *Haussoullier B.* La vie municipale en Attique. Paris, 1884.

⁷⁰ *Haussoullier B.* La vie municipale en Attique.

водил обсуждением дел, наблюдал за исполнением постановлений, взимал деньги за сданную в аренду общинную землю и производил другие сборы; защищал интересы дема в местном собрании и в Афинах, приносил жертвы от имени дема и вообще являлся его представителем, ведал местной полицией и находился в постоянных сношениях с центральной государственной властью; например, вместе с булевтами (членами совета – буле) составлял списки демотов, подлежавших военной службе. Кроме того, в демах были казначеи и некоторые другие местные должностные лица.

Собрание дема, обыкновенно немногочисленное, в несколько десятков человек, обсуждало местные нужды и вопросы, избирало должностных лиц, распоряжалось своими финансами, местными доходами и расходами, иногда исполняло роль посредника и примирителя по отношению к демотам; оно награждало венком, почетным местом в театре или освобождением от некоторых местных повинностей лиц, оказавших услуги дему. Выборы на многие государственные должности производились сначала по демам, но потом ввиду случаев подкупа перенесены были в филы, за исключением избрания булевтов и стражей верфей, которые и впоследствии избирались в демах.

Но едва ли не главным делом, подлежавшим ведению собрания дема, было внесение в список, в общинную книгу, молодых демотов, достигших 18-летнего возраста и становившихся с этого времени совершеннолетними, правоспособными гражданами. При этом молодые афиняне приносили следующую характерную клятву: «Я не посрамлю священного оружия, не оставлю соратника в бою, буду защищать все священное и несвященное, один и вместе с другими; отечество передам (наследникам) не меньшим, а более сильным и славным, чем какое унаследовал; буду слушаться властей и буду повиноваться законам установленным и тем, какие народ установит единомысленно; не буду допускать, если кто-либо будет их отменять или им не повиноваться, но буду защищать их один и со всеми; буду чтить отечественные святыни».

При ревизии или проверке гражданских прав, так называемом диапсефизме, или диапсефизе, собрание дема рассматривало списки, причем демоты, дав клятву решать без всякого пристрастия, тайной подачей голосов произносили приговор о каждом, действительно ли он афинский гражданин и правильно ли внесен в список, и неправильно внесенных вычеркивали. Такие теряли право гражданства и делались метеками. Они могли, впрочем, апеллировать в афинский суд присяжных; тогда в случае благоприятного для них решения они восстанавливались в своих гражданских правах, а в противном случае лишались имущества и свободы – им грозило рабство⁷¹.

Десять новых Клисфеновых фил получили названия по имени некоторых древних героев Аттики, которые таким образом являлись их эпонимами и статуи которых были поставлены в Афинах на площади. Эти герои-эпонимы были избраны пифией из 100 имен, представленных ей Клисфеном на выбор. Таким образом, свои преобразования, столь глубоко захватывавшие сам строй государственный и общественный, Клисфен проводил как бы с ведома и при поддержке Дельфийского оракула.

Что касается прежних четырех родовых фил, то они не были окончательно отменены: они продолжали существовать, но уже без политического значения и влияния, лишь как родовые и религиозные союзы. Клисфен, говорит Аристотель, «позволил каждому иметь свои роды, и фратрии, и жречества по обычаю предков» (Ath. Pol., 21). Для усиления же демократических элементов Клисфен принял в число граждан, или, как выражается Аристотель (в «Поли-

⁷¹ Существует указание, что после низвержения тирании был произведен подобный диапсефизм, так как при Писистратидах много чуждых элементов проникло в состав граждан. Некоторые полагают, что такая мера связана была с учреждением демов и с принятием Клисфеном новых граждан, когда составлялся гражданский список. Но едва ли Клисфену можно приписывать такую меру, и ввиду общей тенденции его законодательства, и ввиду того, что он сам был нечистокровным афинянином (сын неафинянки Агаристы). Скорее диапсефизм после падения Писистратидов был делом партии аристократической и Исагора.

тике»), «ввел в филы» многих иностранцев и рабов-метеков, т.е. вольноотпущенников⁷². Вероятно, они были приняты в существовавшие уже фратрии в качестве так называемых тиасотов и оргеонов, т.е. членов религиозных союзов. Это более соответствует основной тенденции Клисфена – «перемешать граждан», нежели создать отдельные фратрии для новых граждан, что естественно повело бы к известному различию между старыми и новыми фратриями.

Такова основная и самая важная реформа Клисфена, касавшаяся деления Аттики и ее гражданского населения на новые филы, на триттии и на демы с их самоуправлением. Она нанесла сильнейший удар преобладанию аристократии и утвердила в Афинах демократию. Реформа эта была окончательной победой территориального принципа над родовым. Новые филы являлись известными территориальными единицами, имевшими политическое значение. Граждане распределялись между ними не по происхождению, а по месту жительства: в один и тот же дем, в одну и ту же триттию и филу входили наравне аристократы и неаристократы, без различия происхождения. Политическому влиянию родов настал конец... Уже Аристотель понял всю глубокую важность Клисфеновых нововведений. Для крайней демократии, говорит он в своей «Политике» (1319 b. 19 сл.), «полезны меры, подобные тем, какие употребил Клисфен в Афинах, желая усилить демократию... следует образовать новые филы и фратрии и увеличить их число, частные культы свести к немногим и превратить в общие, и все измыслить, чтобы как можно больше перемешать всех» граждан «между собой, а прежние сообщества расторгнуть». И действительно, Клисфен «перемешал всех граждан», парализовал влияние местных партий и стремлений, связал неразрывно различные местности Аттики, город и окружающую его территорию, и этим вполне довершил объединение страны. Некоторую аналогию Клисфеновой реформе можно видеть в новейшей истории – во Франции во времена революции, когда прежнее, исторически сложившееся деление страны на провинции заменено было делением на департаменты.

При всем своем, видимо, радикальном характере и искусственности реформа Клисфена имела, однако, известные прецеденты и аналогию в прошлом, в предшествовавшем строе, и являлась дальнейшим развитием, в широких размерах, начал, которые в зачатках уже существовали. Этим в значительной мере объясняется прочность и жизненность дела Клисфена: вспомним, что Клисфеновы демы уже имели своего рода предшественниц в навкратиях, а его 30 триттий – в прежних 12 триттиях, являющихся тоже подразделением фил, и что эти 12 триттий, как отчасти и сами родовые филы, были территориальными единицами.

С учреждением новых десяти фил связан был и ряд других реформ Клисфена. Применительно к новому делению – и в более демократическом духе – преобразовываются некоторые государственные учреждения, приспособляются или вводятся должности и т. д.

Так, совет (буле)⁷³, состоявший прежде из 400 членов, по 100 от каждой из 4 фил, Клисфен преобразовал в совет 500, по 50 членов от каждой новой филы. Совет получил вообще новую организацию. Текущими делами занимался не полный его состав, а 50 членов одной и той же филы, составлявшие один из 10 комитетов, на которые делится совет, и называвшиеся пританами. Каждый из этих комитетов по очереди, определяемой в начале года жребием, ведал делами в течение одной десятой части года, так называемой притании, т. е. в течение 35—36 дней в обыкновенный год и 38—39 – в високосный.

Пританы, как сказано, заведовали текущими делами, наблюдали за финансами, принимали заявления, разного рода сообщения, готовили доклады для общего заседания совета и для народного собрания, созывали сами собрания, руководили ими и т. д.⁷⁴ Председателем

⁷² Шеффер В. А. Афинское гражданство и народное собрание. М., 1891. С. 210. Ср.: Куторга М. С. Критические розыскания о законодательстве Алкмеонида Клисфена // Пропилеи. Кн. III. 1858.

⁷³ На рус. яз. о совете см.: Гольдин Н. С. Афинский совет βουλή. Харьков, 1904.

⁷⁴ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. 3-е изд. Ч. 1. СПб., 1897. С. 222.

пританов, как и всего совета, был эпистат, выбираемый из их среды ежедневно по жребию. Он хранил государственную печать, ключи от святилищ, в которых находились государственные суммы и документы. С частью пританов (третьей, т. е. третью) он постоянно дежурил в особом здании, называвшемся фолос. Таким образом, часть комитета совета заседала непрерывно. В V в. эпистат был председателем и народного собрания. Из должностных лиц совета необходимо отметить еще секретаря, обыкновенно имевшего немалое влияние на дела.

Члены совета выбирались⁷⁵ по демам и – что оригинально для древности – соответственно величине демов и числу населения. Таким образом, в совете 500 демы не только имели своих представителей: совет этот представлял в миниатюре весь демос Аттики, был как бы его олицетворением и своего рода микрополисом, по выражению одного английского исследователя. В строе Афинского государства он занимал важное место, и с его преобразованием власть архонтов должна была подвергнуться большому ограничению. Компетенция Совета 500 простиралась, в сущности, на все отрасли государственного управления⁷⁶. А главное – совет должен был готовить проект решения, так называемую пробулевму, для народного собрания, и без этого никакое дело не могло подвергнуться обсуждению и голосованию. Ему предоставлялись иногда и особые полномочия. Нужно заметить, что заседания Совета были открытые, публичные.

В самом конце VI в., в «архонтство Гермокреонта» (вероятно, в 501 г.)⁷⁷, введена была та клятва для членов совета, которую они давали и впоследствии. Аристотель в своем кратком, сухом перечне преобразований той эпохи, в 22-й гл. «Афинской политики», счел нужным отметить и введение этой клятвы. И действительно, в ней содержится интересный пункт: кроме обещания хранить Солоновы законы, действовать («советовать») согласно вообще законам и благу афинского народа и т. п., булевты обязывались не заключать в тюрьму ни одного афинянина, если он представит трех поручителей из своего класса, за исключением случаев государственной измены, заговора против демократии или злоупотреблений относительно государственных сборов. Обязательство это один из новейших французских исследователей называет «*habeas corpus* афинского права»⁷⁸.

Что касается народного собрания, то оно теперь, разумеется, созывалось чаще, и вообще значение его со времени Клисфена возросло. Между прочим, процессы по государственным преступлениям в форме так называемой «исангелии» от ареопага перешли к народу, народному собранию, которое или само производило суд, или передавало дело в гелиэю⁷⁹. Возросло и значение гелиэи, суда присяжных, возникшего еще при Солоне, а дальнейшую организацию получившего лишь впоследствии, в Периклову эпоху, в связи с реформой ареопага, и затем в IV столетии. Вследствие увеличившегося значения преобразованного совета, народного собрания и гелиэи власть и влияние архонтов, конечно, суживались и склонялись к упадку, в особенности с тех пор, как – уже после Клисфена – в 80-х гг. V в. для их избрания введен был вновь жребий, хотя и в смешанном виде. Но к этому мы еще вернемся.

В 501/00 г. учреждена была должность стратегов, которых было 10, соответственно 10 филам. Стратеги первоначально избирались из каждой филы по одному, но потом их стали выбирать из всех фил, без отношения к последним. Выборы должностных лиц в Афинах вообще происходили летом, но стратеги выбирались в седьмую пританию (если не препятствовали предзнаменования), т. е. приблизительно в феврале-марте, когда еще не наступало время, удобное для военных действий. Главкомандующим пока оставался полемарх,

⁷⁵ Впоследствии по жребию; так ли было и при Клисфене, неизвестно.

⁷⁶ Подробнее об этом далее.

⁷⁷ Относительно хронологии см. в моей книге: *Бузескул В.П.* Афинская Политика Аристотеля... С. 392—393.

⁷⁸ *Glötz C.* Etudes sociales et juridiques sur l'antiquité grecque. Paris, 1906. P. 128.

⁷⁹ *Lipsius H.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd. I. S. 176 .

но потом начальство над войском перешло в руки стратегов – должности, как увидим, вообще ставшей очень важной и влиятельной, компетенция которой не ограничивалась одним военным делом, а простиралась и на другие сферы. Учреждение коллегии стратегов, в свою очередь, вело, следовательно, к ограничению власти архонтов.

Есть известие, что Клисфен учредил и новую финансовую должность – аподектов, тоже в числе 10, в руках которых сосредоточил все денежные поступления и выдачи, под наблюдением Совета 500⁸⁰.

С введением новых территориальных единиц: фил, триттий и демов – прежние навкратрии теряли смысл, всякий *raison d'être*, и Аристотель прямо говорит, что Клисфен учредил демы вместо навкратрий и что поставленные во главе них демархи имели те же обязанности, что и прежние навкратры (*Ath. Pol.*, 21). Этому противоречит свидетельство другого источника⁸¹, по которому Клисфен увеличил число навкратрий до 50 (вместо прежних 48), сообразно числу новых фил. Как бы то ни было, но о навкратриях после Клисфена мы ничего не слышим, и если они им не были упразднены, то, во всяком случае, просуществовали недолго после него – никак не долее организации афинского флота Фемистоклом.

Но установленной Клисфеном демократии и свободе Афин в будущем могла грозить опасность – могли быть попытки к тирании. Существовал афинский закон, который за такие попытки грозил самому виновнику и его роду атимией, лишением чести и гражданских прав или объявлением вне покровительства законов. Но мы не знаем в точности, когда издан этот закон. Зато несомненно Клисфену принадлежит введение остракизма, который, как известно, состоял в том, что в особом народном собрании каждый присутствовавший афинянин писал на черепке⁸² имя того лица, которое казалось ему опасным для спокойствия государства, и тот, чье имя оказывалось начертанным на большинстве черепков, должен был удалиться на время в изгнание. По-видимому, первоначально остракизм имел целью предотвратить тиранию и направлен был против попыток к ней, против друзей тиранов. Но впоследствии он изменил свое назначение и получил другой смысл, на который указывают некоторые исследователи⁸³, сравнивающие эту меру со сменой министерств или с вотумом недоверия в конституционных государствах и видящие настоящую цель остракизма в удалении вождя одной из борющихся партий, чтобы очистить поле для деятельности противнику. И в самом деле, опасаться тирании впоследствии, например в эпоху Кимона и Перикла, было нечего, и остракизм тогда действительно служил средством для прекращения политической борьбы, для выхода из нее: когда борьба достигала крайнего напряжения и обе стороны, казалось, были равносильны, когда не виделось исхода, остракизм решал, кто из борющихся противников должен уступить, чье влияние и чья политическая программа должны окончательно восторжествовать. Но мы знаем в истории немало примеров того, как придуманные законодателем меры получают не то значение, какое имелось в виду первоначально, и ведут к неожиданным последствиям. Так и остракизм мог изменить впоследствии свое назначение. Что это так, доказывает и его начальная история.

По словам Аристотеля в «Афинской политии», остракизм введен был Клисфеном в числе тех новых законов, которые сообщили афинскому строю более демократический характер сравнительно с Солоновой конституцией. Но он долго не применялся, ибо афиняне, «по обычной для демоса кротости» (интересное замечание в устах Аристотеля, вообще далеко не сочувствовавшего демократии), позволяли друзьям тиранов, не замешанным в смутах, жить в городе. В первый раз они воспользовались законом об остракизме только спустя два года

⁸⁰ *Busolt C. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. II. S. 436.*

⁸¹ Аттидографа Клидема.

⁸² По-гречески – *όστρακων*, отсюда и название остракизм.

⁸³ Например, см.: *Lügebil K. Über das Wesen und historische bedeutung des ostrakismos in Athen. Leipzig, 1861.*

после Марафонской битвы, в 488/87 г., «когда демос был уже смелее». Первый, подвергшийся остракизму, был родственник Писистрата, Гиппарх, сын Харма, «вождь и простат» друзей тиранов, из-за которого, собственно, Клисфен будто бы и издал свой закон. Вообще в течение трех лет посредством остракизма изгоняли лишь «друзей тиранов». К удивлению, в числе их мы встречаем члена фамилии Алкмеонидов: после упомянутого Гиппарха подвергся остракизму Мегакл из Алопеки. Но затем стали удалять и других, кто казался слишком могущественным. Первым из таких лиц, не причастных тирании, подвергся остракизму Ксантипп – отец Перикла, будущий победитель при Микале.

Еще в древности в применении остракизма, этого «глиняного бича», по выражению одного автора, усматривали как скрытый мотив, зависть и нерасположение к тем, кто выдавался, кто был могуществен, видели стремление к поддержанию равенства, к нивелировке, свойственное демократии. Аристотель в своей «Политике» (1284 а 20 сл.) прямо говорит, что удаляли тех, кто казался слишком могущественным по своему богатству, или числу сторонников, или политическому влиянию. Но для правильной оценки остракизма нужно иметь в виду те формальности, которыми был обставлен этот «суд черепков». Вопрос о применении остракизма не мог быть поднят во всякое время, в любом народном собрании: вопрос этот возбуждался в определенный лишь срок, в обычном собрании в 6-ю пританию, и предлагался сначала в общей форме – признают ли граждане необходимым в данном году прибегнуть к остракизму? В случае лишь утвердительного ответа назначалось особое экстренное народное собрание, в котором и происходил «суд черепков». Для его законности требовалось присутствие не менее 6000, и граждане собирались тут по филам. Наконец, изгнание посредством остракизма было в сущности почетным удалением: честь удаляемого не страдала, право гражданства и имущество не отымались; изгнание ограничивалось 10 годами, а чаще еще до истечения этого срока изгнанника возвращали в Афины, и он снова мог занять влиятельное и почетное место среди граждан.

В то время как Клисфен проводил свои реформы, молодой афинской демократии пришлось выдержать тяжелую борьбу одновременно с несколькими внешними врагами, с целой коалицией – со Спартой, Беотией, эвбейской Халкидой, островом Эгиной. Вражда Спарты понятна: Спарта не могла сочувствовать торжеству демократии; она поддерживала аристократию. Притом спартанский царь Клеомен горел желанием отомстить за свой позор, за свою капитуляцию. Столкновение с Беотией произошло из-за Платей, беотийского города, находившегося у границы Аттики, теснимого фиванцами и нашедшего себе покровительство в Афинах. Халкида и Эгина, близкие соседи Аттики, враждовали с Афинами из-за торгового соперничества и опасались их дальнейшего усиления.

Положение Афин, которым со всех сторон грозили враги, было тяжелое, даже критическое. Самому существованию их как независимого государства, казалось, угрожала опасность. Спартанцы и их пелопоннесские союзники под начальством царей Клеомена и Демарата находились уже у Элевсина; некоторые афиняне также примкнули к Клеомену. К счастью для Афин, в среде пелопоннессцев обнаружился разлад: Демарат и коринфяне не хотели идти дальше и оставили Клеомена, который после этого вынужден был отступить. А над теми афинянами, которые перешли было на сторону неприятеля, в Афинах произнесен был смертный приговор, их имущества конфискованы, дома разрушены, имена их, как изменников, начертаны на медном столпе, поставленном в акрополе. Все дальнейшие старания Клеомена и Гиппия, явившегося в Спарту, ни к чему не привели: вследствие оппозиции союзников мысль о новом походе против Афин была оставлена. Между тем афиняне со своей пехотой одерживают победу над беотийцами, в тот же день переправляются на остров Эвбею и наносят поражение халкидянам с их всадниками. Халкидяне должны были уступить плодородное Лелантское поле, из-за которого они некогда боролись с Эретрией, и здесь афиняне отвели участки нескольким тысячам своих поселенцев, клерухов. Что касается войны с Эгиной, то она затянулась надолго.

Эта борьба с целой коалицией и торжество над внешними врагами способствовали упрочению молодой афинской демократии. Внешняя опасность сплотила афинян; многие из знатных фамилий искренне примирились с новым порядком. Благодаря этой опасности внутренняя борьба стихла на время, а демократия стала неразрывно связанной с независимостью и достоинством самого государства. Как смотрели следующие поколения на выдержанную Афинами борьбу, на значение для них свободы и равенства, показывают замечания Геродота (V, 78). «Так афиняне возросли в своем могуществе, – говорит «отец истории». – Не только из этого одного, но вообще явствует, какая хорошая вещь политическая свобода (исегория). Пока афиняне управлялись тиранами, они в военном деле не превосходили никого из своих соседей, а освободившись от тиранов, они стали далеко первые. Ибо, будучи подвластны тиранам, они были нерадивы, работая как бы на господина, а достигнув свободы, каждый стал стараться, работая для самого себя». Тут Геродот забывает, что уже при Писистрате внешнее могущество Афин было велико.

Между тем восстановления Гиппия в Афинах требует сатрап Сард, Артафрен⁸⁴, у которого афиняне просили было помощи. Вообще с востока надвигалась страшная гроза: близилось нашествие персов...

---

⁸⁴ Или Артаферн.

II. Расцвет

Эпоха Греко-персидских войн

Греко-персидские войны – один из моментов борьбы между Западом и Востоком, Европой и Азией, борьбы, которая Красной нитью проходит через последующую историю: вспомним покорение Востока Александром Македонским, нашествие арабов и крестовые походы, завоевание Балканского полуострова турками и войны с ними европейских государств и т. д.

Уже при Кире персы достигли берегов Малой Азии и подчинили себе находившиеся там греческие города. Но наступательное движение их на этом не остановилось. Как известно, древние монархии стремились стать «всемирными», все расширяясь и поглощая соседей. Одна за другой они рушатся, входя в состав новой, еще более обширной державы, пока процесс этот не закончился образованием колоссальной Римской империи, обнявшей все берега Средиземного моря, почти весь известный тогда мир, *orbis terrarum*...

Во время Скифского похода персидский царь впервые вступил на европейскую почву. Фракийское побережье и греческие города, Византий, Халкедон, были покорены; Македония признала свою зависимость от персидского царя, и его власть в известном смысле простиралась теперь уже до самой горы Олимпа, до границ Фессалии. Одновременно с этим персидское владычество надвигалось и на юге, в Африке, где ему подчинилась Кирена, не говоря уже о Египте. Таким образом, наступательное движение персов широко охватывало греческий мир. Прибавим к этому уже упомянутое требование Артафрена, чтобы афиняне восстановили у себя власть Гиппия, отказ афинян, натянутые отношения между обеими сторонами, и мы поймем, что открытое столкновение Греции с Персией было неизбежно, являлось лишь вопросом времени. Поводом послужило, как известно, восстание Милета и та помощь, которую оказали этому городу Афины и Эретрия.

Здесь не место останавливаться на самом ходе борьбы греков с персами, борьбы, имевшей громадное, мировое значение, так как тут дело шло не только о судьбе и независимости Эллады, но и о будущих судьбах исторического мира, о господстве греческой или восточной культуры, тех или других политических начал. Предполагая главные факты Греко-персидских войн известными, мы здесь коснемся лишь тех моментов, которые имеют отношение к внутренней истории Афин – к истории их демократии.

Поход Датиса и Артафрена, закончившийся сражением при Марафоне, был походом и против афинской демократии: в стане персов находился изгнанный тиран Гиппий, владелец Сигея и вассал персидского царя, надеявшийся на возвращение к власти, на содействие сторонников, которые у него еще были в Афинах. В числе таких сторонников молва впоследствии называла даже Алкмеонидов. Говорили, что когда кончилась битва при Марафоне и персы садились уже на корабли, им подан был сигнал, посредством поднятого щита, указывавший на удобный момент для нападения на Афины, и что такой сигнал дали именно Алкмеониды. Геродот (VI, 115, 121 сл.) удивляется этой молве, горячо опровергает обвинение, называя его клеветой, и ссылается на то, что Алкмеониды ненавидели тиранию, много претерпели от нее и больше всех других сделали для освобождения Афин от тиранов. Но и Аристотель в числе «друзей тиранов» около времени Марафонской битвы называет, как мы видели, одного из Алкмеонидов, Мегакла, который подвергся остракизму. Мы слишком мало осведомлены о тогдашнем положении дел в Афинах – источники для этого скудны, и трудно сказать, насколько основательны были подобные обвинения и слухи⁸⁵. Они показывают лишь, каково было тогдашнее

---

⁸⁵ Некоторые новейшие историки – Эд. Мейер, Р. фон Пельман (*Pohlmann R. von. Grundriss der griechischen Geschichte.*

настроение, с какой ненавистью относились к Алкмеонидам их враги, какая борьба шла между главами партий. По-видимому, в то время в Афинах, может быть, под влиянием печального исхода Ионийского восстания и падения Милета, произошла реакция. Мы знаем, например, что за несколько лет до Марафонского сражения в архонты был избран несомненный сторонник Писистратидов и их родственник – Гиппарх, сын Харма. Алкмеониды были оттеснены, влияние их пало. На первом месте мы видим представителя не их фамилии, а фамилии Филаидов.

Это был Мильтиад, богатый и могущественный династ, еще недавно владетель Херсонеса Фракийского, родственник и один из преемников того Мильтиада, который во времена Писистрата основал там владение. Во время Скифского похода Дария он, как известно, предлагал разрушить мост на Дунае и затем с опасностью для жизни бежал из Херсонеса в Афины. Сюда он явился с многочисленной свитой, с богатыми сокровищами, с наклонностями династа, с замашками лица, привыкшего властвовать. В сущности, между ним и тогдашними Афинами, с их зародившейся демократией, было мало общего: Мильтиад не свыкся с республиканским строем Афин, да и афиняне смотрели на него подозрительно, как на бывшего тирана. И на первых же порах враги выступили против Мильтиада с обвинениями по поводу его действий в Херсонесе. На этот раз он вышел оправданным. Его даже избрали в стратеги в тот год, когда персы под начальством Датиса и Артафрена предприняли поход против Греции: Мильтиад, хорошо знавший персов, их сильные и слабые стороны, их тактику и приемы, казался необходимым и самым подходящим вождем в предстоявшей борьбе. И при Марафоне мы видим его главным действующим лицом; номинально главнокомандующим считается еще полемарх, но в действительности на первом плане стоят стратеги, и в особенности Мильтиад. Победой при Марафоне (480 г.), где гоплиты свободных Афин одержали верх над полчищами персидского царя, он блестяще оправдал возлагавшиеся на него надежды.

Пользуясь славой и на этот раз неограниченным доверием, Мильтиад убедил афинян предоставить в его распоряжение флот, отряд войска и денежные средства для дела, о котором он определенно не говорил, но от которого сулил громадные выгоды для Афин. Велики были ожидания народа, но тем сильнее его разочарование, когда оказалось, что предприятие Мильтиада направлено было против одного из Кикладских островов, Пароса, и что оно окончилось полной неудачей. Образ действий Мильтиада вызвал сильный ропот и негодование. Говорили, что Мильтиад предпринял экспедицию против Пароса для удовлетворения лишь личной мести. Таким настроением народа воспользовались враги Мильтиада, во главе которых стоял Ксантпп, связанный с фамилией Алкмеонидов общими интересами и свойством (он был женат на племяннице знаменитого Клисфена). Ксантпп обвинил Мильтиада в государственной измене, в том, что он «обманул народ», и требовал его казни. Больной вследствие полученной во время осады Пароса раны, лежа на носилках, Мильтиад слушал обвинения, сам не будучи в состоянии защищаться. Друзья его указывали на прежние его заслуги, на Марафонскую победу, на завоевание острова Лемноса, и народ вместо смертной казни присудил Мильтиада к денежной пене, как предлагал его защитник, в 50 талантов за причиненный государству ущерб. Мильтиад вскоре умер, и пеня уплачена была его сыном Кимоном.

Так сошел с поприща победитель при Марафоне. В таком отношении афинян к Мильтиаду впоследствии нередко видели «позор для Афин», черную неблагодарность демоса к великому деятелю. Но Геродот, сообщая об этом эпизоде, напротив, усматривает в исходе процесса – в том, что назначена была денежная пеня, а не смертная казнь, – доказательство расположения народа к Мильтиаду (VI, 136). Английский историк Дж. Грот, в своей «Истории Греции» являющийся «адвокатом афинского демоса», защищает последнего от обвинения в неблагодарности, доказывает вину Мильтиада и говорит, что благодарность за преж-

ние заслуги не может доставить деятелю безнаказанность за последующие проступки. По-видимому, афиняне могли опасаться, чтобы пример Мильтиада не нашел подражателей: они не желали, чтобы на будущее время их вожди распоряжались так народными средствами и силами, потому что это могло создать особое положение отдельного лица в государстве, повести к тирании, вовлечь государство в непредвиденные затруднения и опасности. Они находили справедливым, чтобы возмещены были, по крайней мере, понесенные государством убытки.

Вообще в годы, наступившие после Марафонской битвы, в Афинах происходит внутренняя борьба. Тогда впервые, как мы видели, стали применять остракизм; последовал ряд изгнаний – родственника Писистратидов Гиппарха, Алкмеонида Мегакла, обвинителя Мильтиада – Ксантиппа; затем во время борьбы из-за флота подвергся остракизму Аристид. Только ввиду нашествия Ксеркса изгнанники возвращены были на родину раньше срока. Так представители знатных фамилий враждовали между собой; один за другим подвергались они преследованию, не исключая и Алкмеонидов, и должны были на время удалиться из Афин; а демос усиливался: наступал период его владычества...

В 487/86 г. произошла важная по своим последствиям реформа, касавшаяся способа избрания архонтов.

Мы видели, что жребий при избрании архонтов, хотя и в смешанном виде, введен был Солоном. Во время последующих смут и тирании Писистратидов он не применялся: тиранам выгоднее было простое избрание посредством голосования, чтобы иметь возможность проводить своих сторонников. Не восстановил жребия и Клисфен; при нем, по-видимому, удерживался тот же способ избрания архонтов, что и при тиранах. Только спустя три года после Марафонской битвы, в архонтство Телесина, т. е. в 487/86 г. дл. Р.Х., система Солон была восстановлена, но с некоторыми изменениями: по свидетельству Аристотеля (*Ath. Pol.*, 22), архонтов стали выбирать жребием по филам из 500 – или, если принимать предложенную некоторыми учеными поправку в тексте, из 100⁸⁶ – кандидатов, предварительно избранных (посредством голосования) демотами, т. е. членами дема. Впоследствии – но когда именно, неизвестно – и при предварительном избрании голосование заменено было жребием, но двухстепенность выборов осталась как своего рода пережиток, – любопытный пример того консерватизма, желания сохранить по возможности старые формы, которые проявляли иногда афиняне.

Введенный в 487/86 г. способ избрания архонтов, вероятно, стоит в связи с той внутренней борьбой, которая тогда происходила в Афинах. Жребий до некоторой степени должен был устранить или уменьшить поводы к борьбе, ослабить влияние могущественных лиц и фамилий при замещении должностей архонтов. Недаром введение этого способа избрания совпадает с первыми случаями применения остракизма. Но введение жребия при избрании 9 архонтов из столь большого числа предварительно намеченных голосованием кандидатов вместе с тем знаменует собой падение архонтата. Новый способ выборов указывает, что прошло уже то время, когда первый архонт являлся первым лицом в государстве, самым влиятельным сановником, а полемарх – главнокомандующим над военными силами, когда вообще коллегия архонтов играла видную роль в государственном строе. Очевидно, прежнее значение архонтата отошло уже в область прошлого. Прежде в архонты избирались наиболее влиятельные и выдающиеся лица; теперь всякий заурядный афинский гражданин признавался достойным и способным нести обязанности архонта. Перемена эта имела и дальнейшие, чрезвычайно важные следствия: открывалось поле для деятельности «вождя народа», «демагога»⁸⁷; демагог становится необходимым, хотя сам по себе и не должностным лицом в государстве, фактиче-

⁸⁶ Дело в том, что число 500 представляется непомерно большим, особенно если принять, что архонтами могли быть тогда только пентакосиомедимны; кроме того, известно, что впоследствии от каждой филы было по 10 кандидатов. Все это говорит в пользу предложенной поправки.

⁸⁷ *Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. Stuttgart, 1901. S. 343 f.*

ски главным руководителем народного собрания, внутренней и внешней политики Афин. А из должностных лиц выдвигается на первый план стратег. Таким образом, влияние переходит к демагогу и одному из стратегов. Но в эпоху расцвета афинской демократии, до самой смерти Перикла, демагог и стратег обыкновенно соединяются в одном лице. Раздвоение, пагубный разлад и конфликт обнаруживаются позже...

Жребий в Афинах употреблялся не только при избрании архонтов; мало-помалу, при господстве демократии, он находил себе все большее и большее применение; его стали употреблять при выборе почти на все должности, кроме немногих, преимущественно военных: последние всегда замещались лицами, избираемыми посредством голосования, по понятной причине – должности эти требовали специальных способностей; рискованно было верить начальство над войском и защиту государства лицам, обязанным своим избранием жребью, т. е. случаю.

Некоторой коррективой при жребии служила докимасия, или «испытание», которому подвергался каждый кандидат на какую бы то ни было должность. Впрочем, это «испытание» касалось не способностей лица или его пригодности для данной должности, а его жизни, его поведения и нравственных качеств, равно как его формальных прав. Например, кандидату в архонты предлагались вопросы: кто его отец и дед и из какого дема? кто его мать и бабка и из какого дема (от архонта требовалось гражданство, по меньшей мере, в третьем колене)? чтит ли он Аполлона Патроя (Отцовского) и Зевса Геркея (Оградного, хранителя домашнего очага)? есть ли могилы предков и где они? хорошо ли обращался с родителями? исполнял ли военную службу и нес ли финансовые повинности? и т. д. В таком же роде была докимасия и при замещении других должностей. Чуть не вся жизнь кандидата могла подвергнуться подобному «испытанию»... Быть должностными лицами могли афинские граждане не моложе 30 лет. Для занятия некоторых должностей – архонтов, казначеев – требовался особый, более высокий ценз. По закону феты вообще не имели права занимать должности; это Солоново установление, оказывается, никогда не было формально отменено даже впоследствии, при полном торжестве демократии. Аристотель говорит, что и в его время, когда у желающего подвергнуться жеребьевке для занятия какой-нибудь должности спрашивали (при докимасии), к какому классу он принадлежит, то ни один не скажет, что он фет (Ath. Pol., 7). Но на практике закон обходился, и в IV в., хотя Солонов закон, по которому казначеи должны быть из пентакосиомедимнов, оставался еще в силе, но в действительности, по свидетельству того же Аристотеля (Ath. Pol., 47), занимать эту должность мог всякий, избранный по жребью, даже и очень бедный. Запрещалось два раза занимать одну и ту же должность, за исключением военных, на которые можно было выбирать одно лицо несколько раз, даже из года в год, и отчасти должности булевта: членом Совета 500 можно было состоять дважды в течение жизни. Булевты подвергались докимасии перед советом, решение которого первоначально имело окончательную силу, впоследствии же допускалась апелляция в суд, дикастерий; архонты должны были подвергаться двойной докимасии – и перед советом, и перед судом, а все прочие должностные лица – только перед последним.

Все должностные лица подлежали контролю, а по окончании срока службы должны были давать отчет в своих действиях; впоследствии, если дело касалось финансовой стороны, то отчет сдавался перед коллегией логистов (причем, во всяком случае, окончательное решение принадлежало суду), а во всем остальном – перед коллегией эвфинов. До сдачи отчета нельзя было быть избираемым на другую должность, отлучаться из страны и свободно распоряжаться своим имуществом.

Эпоха борьбы с персами была тем моментом, когда создались Афины, которые мы видим и в Периклов век. Тогда окончательно определилось направление всей дальнейшей истории их; тогда они вступили на новый путь, которым потом лишь продолжали идти. Тут начало всех последующих явлений, характеризующих афинскую историю V в., – морского могущества

Афин, их гегемонии, их чистой демократии. На новую стезю направил их среди опасности со стороны врага гений Фемистокла.

Фемистокл не принадлежал к верхнему слою тогдашней афинской аристократии. Он – человек «новый». Отец его был не из очень знатных; мать – не афинянка, а чужестранка. Фемистокл, следовательно, – не чистокровный афинянин и с точки зрения строгого афинского права должен был считаться даже незаконнорожденным. Не отличался он и образованием. Он сам говорил о себе, что петь и играть на кифаре не учился, но сделать государство великим и богатым умеет. О Фемистокле и его реформатской деятельности, столь важной для Афин, источники говорят, в сущности, очень мало. Зато они сообщают много анекдотов, бросающих тень на него. Редко какая другая личность в греческой истории вызывала такую страстную ненависть врагов. Каких только обвинений не взводили на Фемистокла, – то в излишней расточительности, то в скаредности, то в удивительном коварстве; но особенно подчеркивали его непомерное честолюбие, корыстолюбие, неразборчивость в средствах. Лишь один историк древности вполне оценил значение личности Фемистокла. Это – Фукидид. Он отмечает, как отличительную черту Фемистокла, силу природных дарований, прирожденный проницательный ум, благодаря которому, даже при отсутствии образования, тот мог предусматривать будущее, способность немедленно найтись среди всевозможных обстоятельств, руководить всяким делом, быстро изобретать надлежащий план действий (I, 138). По творчеству мысли, по смелости замыслов Фемистокл является одним из замечательнейших деятелей Эллады. Он, по словам Фукидида (I, 93), первый отважился сказать, что следует держаться моря. Он укрепил Пирей, устроил в нем военную гавань, создал афинский флот и превратил Афины в морскую державу.

Начало деятельности Фемистокла в этом направлении относится, может быть, еще ко времени до Марафонской битвы, к концу 90-х гг.⁸⁸ Мы не знаем, какое участие принимал Фемистокл в событиях 80-х гг., в тогдашней борьбе, в ряде остракизмов, в реформе 487/86 г. Известно только, что лишь в 483/82 г. удалось Фемистоклу осуществить давно задуманный план – организовать флот. Поводом послужила уже давно тянувшаяся война с Эгиной, воочию показывавшая афинянам всю необходимость иметь свой флот, а средства дали доходы с вновь открытых рудников в Маронее, которые отданы были в аренду. По рассказу Аристотеля (Ath. Pol., 22), когда в архонтство Никомеда (или Никодема) открыты были рудники в Маронее и государство от их разработки получило доход в 100 талантов, причем некоторые советовали народу поделить их, согласно тогдашнему обыкновению, то Фемистокл этому воспротивился и, не говоря, на что намерен употребить деньги, побудил афинян дать их взаймы 100 самым богатым гражданам, каждому по таланту, с тем, что если сделанное им употребление этих денег понравится, то издержки будут приняты на счет государства, а если нет, то деньги должны быть возвращены взявшими их взаймы; на таких условиях будто бы построено было 100 триер, каждым по одной, и на этих триерах афиняне сражались против варваров во время Саламинской битвы. Конечно, совершенно невероятно, чтобы народ согласился раздать такую сумму, не зная, на что, или чтобы богатые афиняне рискнули взять на себя постройку кораблей без народного постановления. В основе этого анекдотического рассказа лежит, вероятно, тот факт, что постройка 100 триер возложена была на 100 наиболее состоятельных граждан в виде общественной повинности, «литургии», причем каждому было выдано на это по таланту, и в случае удовлетворительного исполнения корабль принимался, а в противном случае требовалось возвратить деньги.

Не без тяжелой борьбы осуществил Фемистокл свои планы. Людям осторожным, консервативным, его нововведения должны были внушать опасения. Зачем было, по мнению таких лиц, пренебрегать славным прошлым, создавать флот и этим самым отодвигать на задний план тяжеловооруженную пехоту, тех гоплитов, которые так доблестно и с таким успехом сражались

⁸⁸ Имя архонта 493 г. до Р.Х. – Фемистокл. Многие полагают, что это знаменитый Фемистокл.

на Марафонском поле? не значило ли это оставлять известную, испытанную силу ради новой, еще не испытанной?.. преобразование Афин в морскую державу не подействует ли разлагающим образом? не исчезнет ли прежняя простота, патриархальность нравов, свойственная земледельческой стране?.. Уже современники Фемистокла сознавали, что с торжеством его планов связан целый ряд дальнейших, очень важных следствий, что тут затронуты интересы многих. Словом, в возражениях и в противниках Фемистокловых мер недостатка не было.

К числу их до некоторой степени принадлежал Аристид, которого традиция наделяет качествами, противоположными тем, какими отличался Фемистокл, – справедливостью, разборчивостью в средствах и т. п. «Ты можешь прославлять Павсания или Ксантиппа или Леотихида, – говорит родосский поэт того времени, – я же славлю Аристида, его одного, из священных Афин, между всеми самого лучшего мужа...» Борьбу между Аристом и Фемистоклом не следует, однако, представлять себе борьбой двух несоединимых, противоположных принципов, борьбой старых и новых Афин, партии консервативной и партии прогресса, как это принято было прежде. Аристида нельзя считать главой аристократической партии в том смысле, например, как Исагора, противника Клисфена: он не был врагом демоса и стоял на его стороне. Оба – и Фемистокл, и Аристид – были, по выражению Аристотеля⁸⁹, «простатами демоса». Но Аристид был более умерен, и с Фемистоклом его разделяли не только глубокая противоположность характеров и личное соперничество, но и взгляд на средства для достижения цели: беспокойная, слишком смелая, новаторская политика Фемистокла, неразборчивая в средствах и не останавливавшаяся ни перед чем, могла казаться Аристу опасной, вредной для государства, и встречать со стороны его противодействие. Стоя оба во главе демоса, Фемистокл и Аристид представляли, однако, собой два разных направления.

Как бы то ни было, дело кончилось остракизмом Аристида. Фемистокл вышел победителем, и ко времени нашествия Ксеркса афиняне располагали уже флотом, какого не было ни у одного другого государства на континенте Эллады, – почти в 200 судов. Во время Ксерксова нашествия афинянам пришлось пережить тяжелые испытания – покинуть город и предоставить его врагу на разорение; кто не мог сражаться, должен был спастись на Саламин, в Трезену и другие пункты; а способные носить оружие должны были сесть на корабли. Фемистокл и ареопаг действовали в этот момент рука об руку. Не было денег на содержание войска, и ареопаг прибегнул к чрезвычайным мерам: он – по-видимому, из храмовых сумм – роздал каждому по 8 драхм и тем способствовал посадке войск на суда; неимущим беглецам также выдано было пособие. Зато Саламинская битва (480 г.) вознаградила за все перенесенное; она была полным торжеством для афинян и, в частности, для Фемистокла. «Деревянные стены» кораблей спасли Элладу...

Итак, Фемистокл преобразовал Афины в морскую державу. С суши центр тяжести перенесен был на море. А это, в свою очередь, оказало влияние на весь строй жизни Афин. Клисфенова конституция имела в виду население земледельческое; с ее точки зрения это была главная сила и опора государства. Теперь выдвигаются новые элементы, другие классы и профессии, преимущественно «корабельная чернь», по выражению древних авторов, не сочувствовавших крайней демократии. Для снаряжения флота пришлось привлечь к службе и фетов; по принципам же Солонова законодательства повинностям должны соответствовать и права; таким образом, это значило дать четвертому классу граждан право на те преимущества, которые до тех пор составляли достояние первых трех классов. Победы при Саламине и при Микале (479 г.) должны были поднять дух этой «корабельной черни», преисполнить ее сознания своей силы.

⁸⁹ У Аристотеля в «Афинской политике» Аристид даже представитель крайнего демократического направления. Именно он будто бы побудил население покинуть поля и переселиться в город; он вводит систему денежного вознаграждения; им начато то, что завершил Эфиальт. Аристотель тут впадает, очевидно, в преувеличения и неточности; переселение в город не могло быть, конечно, результатом совета одного лица, система же денежного вознаграждения принадлежит не времени Аристида, а более позднему.

После отражения врага и исчезновения крайней опасности рабочие, матросы, ремесленники стали стекаться в Афины, а особенно в гавань Пирей; тем более что и подать с метеков, по крайней мере, на время, была тогда отменена. Пирей стал кишеть самым разнообразным людом; он был гораздо демократичнее самих Афин.

Меры Фемистокла имели, следовательно, результатом большую демократизацию Афин. Это отлично понимали еще в древности: часто тогда еще отмечалась связь между развитием морского могущества Афин и развитием их демократии. Недаром Тридцать тиранов, властвовавших в Афинах в конце V в. до Р.Х., в господстве на море видели корень ненавистной для них демократии. У Платона море называется «наставником в дурном», а Фемистоклу ставится в упрек, что он стойких гоплитов превратил в корабельщиков и моряков, что, отняв у граждан копье и щит, он довел афинский демос до скамьи гребцов и до весла. Недаром о Фемистокле говорили то же, что так часто повторяли о Перикле, – что он усилил демократию больше, чем следовало, что он возвысил демос над аристократами, преисполнил его дерзкой смелости, что при нем вся сила перешла в руки моряков, гребцов и кормчих...

Платейской битвой (479 г.) закончился первый период борьбы греков с персами, период, который может быть назван борьбой за существование независимой Эллады. Тяжеловооруженная пехота греков одержала победу над легкими персидскими полчищами, вооруженными большей частью луком и стрелами. Победил свободный гражданин-грек: он знал, за что он сражается; он был проникнут сознанием всей важности борьбы, был воодушевлен любовью к родине, свободе, и это удесятряло его силы. Одоле тот, кто проявил «больше нравственной энергии, упорства, кто лучше умел страдать, умирать». Маленькая Греция устояла в борьбе с громадной Персидской державой⁹⁰, ибо сила измеряется не одним числом квадратных миль и количеством населения: в истории решающее значение имеют нередко силы нравственные – в широком смысле слова, измерить которые с точностью, конечно, нельзя, но присутствие и влияние которых несомненно. Притом в Греции, с ее гористой местностью, с ее узкими проходами, вроде Фермопильского ущелья, и проливами, подобными Саламинскому, неприятель не мог развернуть все свои силы, и сама многочисленность их была гибельна для персов; при Саламине, например, персидские корабли сталкивались один с другим.

События, пережитые Элладой, и особенно Афинами, в эпоху борьбы с персами, потрясения, испытанные тогда, и одержанные победы оставили глубокий, неизгладимый след в их истории.

Если прежде центр тяжести греческой истории был преимущественно в колониях, особенно в Малой Азии, где и сосредоточивалось культурное и политическое развитие греков, то теперь первая роль во всех отношениях принадлежит уже метрополии, европейской Элладе.

Научная, литературная, художественная, вообще духовная деятельность народа тесно связана с его внешней деятельностью и со всеми другими сторонами его жизни. Их соединяют часто незримые, но неразрывные нити. За торжеством в борьбе с внешним врагом мы часто наблюдаем подъем народного духа, развитие национального самосознания, умственных и нравственных сил народа. Так было и в Греции после отражения персов. Вслед за победоносной борьбой с опасным врагом, потребовавшей напряжения всех сил, греческий гений раскрывается во всем своем ослепительном блеске. Эллина еще более сознают свое превосходство над «варварами». Их кругозор и сфера деятельности расширяются. Наступает для Греции пора высшего процветания умственного и художественного, даже экономического, – та пора, которую называют веком Перикла.

Во всех отношениях тут первое место принадлежит Афинам.

---

⁹⁰ Нужно, впрочем, заметить, что силы Персии, направленные против Греции, не были так колоссальны, как сообщает традиция греков, слишком их преувеличивая. См.: *Delbrück H.* 1) *Die Perserkrieg und die Burgunderkriege.* Leipzig, 1887; 2) *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte.* I. Berlin, 1900. Г. Дельбрюк, однако, впадает в другую, противоположную крайность.

Греко-персидские войны вызвали крупную перемену и во взаимном положении греческих государств. Первенствовавшая дотоле Спарта начинает терять свое исключительное преобладание. Во время борьбы за существование независимой Эллады она действует вяло, держится слишком себялюбивой, близорукой политики. Иное дело Афины: они являются очагом национального сопротивления варварам, душой его, спасителями Греции, истинными представителями общеэллинских интересов. Борьбу с персами афиняне вынесли главным образом на своих плечах. Стоит вспомнить лишь о Марафоне, Саламине, даже о Платеях, где они тоже обнаружили такое мужество; стоит вспомнить о их твердости во время переговоров с Мардоном, о их страданиях во время двукратного опустошения персами Аттики. Сам Дельфийский оракул в ту критическую минуту изменил делу Эллады и своими изречениями одобрял поведение малодушных и изменников и наводил ужас на патриотов. Но несмотря на его зловещие предсказания, афиняне не пали духом, сохранили мужество и бодрую энергию. Ради спасения Эллады они уступают спартанцам в вопросе о начальстве над флотом, собравшимся у Артемисия. Они будят Спарту, которая, надеясь на укрепления Истма, погрузилась было в полное бездействие и равнодушно смотрела на опустошение Аттики Мардоном, полагая, что больше уже не нуждается в Афинах; лишь после крайней настойчивости афинян совершилась отправка войска в Среднюю Грецию с царем Павсанием во главе.

После битвы при Микале, когда решался вопрос о дальнейшей судьбе малоазийских греков и когда Спарта остановилась перед трудностью защиты колоний и готова была бездействовать, Афины смело берут в свои руки это дело. Во второй период борьбы греков с персами война должна была вестись преимущественно на море, и таким образом Афины, располагавшие флотом, являлись тут уже, несомненно, главной силой.

Так во время борьбы Греции с персами падало обаяние Спарты, а влияние и значение Афин возрастало, а это, конечно, должно было повлечь за собой их взаимное соперничество и вражду. Уже тут, следовательно, начало того дуализма, который является характерной чертой последующей греческой истории V в. до Р.Х.

После отражения персов Афины, можно сказать, внезапно очутились во главе большого союза, сделались могущественной державой, и прежние порядки и учреждения во многом должны были измениться: если они удовлетворяли потребностям и нуждам маленькой страны, то новому положению теперь уж во многом решительно не соответствовали.

Война с персами была войной народной; тут участвовало не одно сословие, а весь народ, и только при таком участии и полном воодушевлении массы возможна была победа. При Саламине, например, победил флот, а тут главная сила была в фетах. Таким образом, удачный исход борьбы неминуемо повлек за собой неудержимое стремление к равенству, возвышение демоса и полное развитие демократии. Победитель-демос не мог примириться с прежними ограничениями.

Итак, в период, протекший со времени Платейской битвы до начала Пелопоннесской войны и носящий название Пятидесятилетия, перед нами, в сущности, три главных, крупных явления, как неминуемые следствия всего предшествовавшего развития и особенно – победоносной борьбы с персами: 1) высшее процветание – умственное, художественное и экономическое – Греции; 2) возвышение Афин, перемена гегемонии, перешедшей к ним на море, и обусловленная этим вражда к ним Спарты; 3) полное развитие афинской демократии. К демократии вел весь предыдущий ход истории Афин. После Клисфена и Фемистокла последующим деятелям оставалось лишь идти по следам своих великих предшественников, развивать созданный предыдущими поколениями строй, стараясь только так или иначе урегулировать демократическое движение.

Первые годы Пятидесятилетия. Кимон и Эфиальт

После нашествия Ксеркса и вторжения Мардония Афины представляли груду развалин. Необходимо было прежде всего восстановить укрепления города и Пирея, а затем отстроить частные дома. С энергией принялись афиняне за это дело. Работа шла спешно, тем более что уже тогда обнаружилось враждебное отношение к ним пелопоннесцев. И тут руководителем афинян и душой этого дела был Фемистокл, с которым действует заодно Аристид. Фемистокл продолжает осуществлять свои планы, которые он начал приводить в исполнение еще до нашествия персов. Укрепления Пирея были завершены; флот усилен. Чтобы привлечь ремесленников в полуразрушенный город, метеков, как было упомянуто, освободили на время от особой подати, которую они обыкновенно платили. Город Афины быстро возрос, и городская жизнь все более и более развивалась.

После битвы при Платеях наступает второй период борьбы греков с персами, во многом отличающийся от первого. Война ведется тут уже не на почве Эллады, а у островов Архипелага, у берегов Фракии и Малой Азии, Геллеспонта и Босфора. Ее театром служит преимущественно море. Борьба эта далеко не так опасна, как первая; она не требует такого напряжения сил со стороны греков; дело идет не о существовании Греции, а об избавлении греческих колоний в Малой Азии от персидского ига и распространении господства греков. Тут уже не столько персы, сколько сами греки действуют наступательно.

Едва прошел год со времени битвы при Платеях и Микале, как происходит событие, чрезвычайно важное для будущей истории Афин и их демократии, – совершается переход к ним гегемонии на море и образуется Первый Делосско-Аттический, или Афинский союз.

Вопрос о дальнейшей судьбе малоазийских греков возник тотчас после битвы при Микале. Спартанский царь Леотихид предлагал переселить их в Европейскую Грецию. Но понятно, что такое предложение было едва ли осуществимо, и по настоянию афинян были приняты в союз острова Хиос, Самос, Лесбос и некоторые другие. Этим был уже положен первый зародыш будущему Делосско-Аттическому союзу.

Тем не менее и в 478 г., когда соединенный греческий флот направился к Кипру и затем к Византию – греки, очевидно, уже тогда стремились к обладанию проливами ввиду сношений с Понтийскими странами, – мы видим во главе этого флота не афинянина, а спартанского царя Павсания. Но Павсаний, надменный, грубый и жестокий, походивший больше на тирана, чем на вождя греческого войска, этот победитель при Платеях, которому успех вскружил голову, который не мог уже примириться со скромной ролью спартанского царя и, по взятии Византия, вошел даже в изменнические сношения с Ксерксом, – Павсаний своим обращением отталкивал союзников, находившихся в составе греческого флота, тогда как афинские вожди, Аристид и Кимон, составляли полный контраст ему. Уже союзники, особенно ионийцы, возмущенные обращением с ними Павсания, просили афинских вождей принять начальство над флотом, когда спартанское правительство отозвало его. Спарта вместо него решила отправить другого предводителя, но было уже поздно: союзники не хотели принимать спартанского вождя, и Спарта примирилась со свершившимся фактом.

Таким образом, предводительство над флотом перешло к афинянам (478/77 г.), и странно было бы, если бы во главе союза морских сил продолжало стоять такое сухопутное государство, как Спарта; совершенно естественно, что тут главенство перешло к Афинам, обладавшим сильным флотом.

Первоначальной целью союза, во главе которого стали афиняне по предложению самих союзников, была борьба с персами. Установлено было, какие города должны доставлять корабли и какие, вместо кораблей, – денежный взнос, форос. При распределении повинностей приняты были во внимание силы и благосостояние каждого города. Ежегодная сумма фороса

на первых же порах составляла 460 талантов. Для приема взносов и заведования союзной казной учреждена была должность эллинотамиев. Центром союза сначала был остров Делос: здесь должны были происходить общие союзные собрания, управлявшие делами союза; на этом же острове, в святилище Аполлона, хранилась и союзная казна. Первоначально все члены союза были автономны и равноправны; Афины являлись лишь первыми среди равных. Но вскоре такой порядок и общий характер союза изменились...

Организатором союза был Аристид. Трудная и щекотливая задача – распределение повинностей – была исполнена им с успехом, и за это, собственно, он и был прозван «справедливым»⁹¹.

После отражения персов в Афинах продолжают бороться два течения. Одна партия, состоявшая большей частью из земледельцев, из элементов консервативных, держалась Клисфеновой конституции и была против новшеств, против дальнейшего развития демократических начал; она желала как бы остановить ход истории. Некоторые, крайние аристократы и олигархи, мечтали даже о возврате к прошлому, к доклизфеновскому строю. Другая партия, состоявшая преимущественно из новых элементов, приобретших силу главным образом в эпоху борьбы с персами, стремилась к полному торжеству демократии, к устранению существовавших еще преград. Для выросшего демоса – и притом демоса-победителя – стали нестерпимыми прежние ограничения; жизнь не укладывалась в старые, сделавшиеся тесными, рамки; явились новые настоятельные требования и новые стремления...

Фемистокл вскоре сходит с поприща государственной деятельности. Против него были консервативные элементы и многочисленные враги: в числе последних мы видим и Алкмеонидов, и сына Мильтиада, Кимона, и богача Каллия, и других. Тут действовали не одна политическая вражда и соперничество: притязания Фемистокла, открытое сознание того, чем Афины ему обязаны, его постоянные напоминания о своих заслугах и славных подвигах – все это документало, отталкивало, раздражало, и в конце 70-х гг. Фемистокл подвергся остракизму...⁹² Он удалился в Аргос. Потом, обвиненный в соучастии в деле Павсания, уличенного в измене, и потребованный на суд в Афины, он скитался и, как известно, кончил тем, что отправился в Азию, к персидскому царю. Он вскоре умер естественной смертью. Но народная фантазия не могла допустить такого конца: она создала легенду, будто Фемистокл сам лишил себя жизни, приняв яд, так как не в силах был исполнить своего обещания – служить царю против своих же соотечественников.

Около того же времени умер и Аристид. Таким образом сошли в могилу знаменитые деятели времени нашествия персов. Выступают теперь другие вожди: во главе аристократической партии Кимон, во главе демократической – Эфиальт, а затем Перикл.

---

⁹¹ С именем Аристида связывали прежде еще демократическую реформу: у Плутарха сохранилось известие, будто после Платейской битвы, по предложению Аристида, право занимать должности, не исключая и архонта, предоставлено было всем афинянам, без различия имущественных классов. Полагали, что Аристид, проводя такую демократическую реформу, действовал по чувству справедливости и в сознании необходимости этой меры при тогдашних обстоятельствах. Но с открытием «Афинской политики» Аристотеля стало ясно, что такой реформы не было: до 457 г. по закону архонтами не могли быть зевгиты, а о фетах и говорить нечего. Очевидно, у Плутарха здесь какое-нибудь недоразумение и неточность. Можно допустить, что предложение Аристида открыло тогда доступ к архонтству всадникам (так как перед реформой 457 г. архонты избирались и из них, а по Солонову законодательству – только из пентакосиомедимнов; следовательно, в промежуток между Солоном и 457 г. всадники получили доступ к архонтству, и возможно, что это было делом Аристида). Другие, например К.Ю. Белох, полагают, что введение жребия в 487/86 году, и было «Аристидовой реформой», а Плутарх не понял сущности ее и отнес ее ко времени после Платейской битвы. Есть мнение, что Аристидова мера была лишь временной, экстренной, касалась только выборов 478/77 г. ввиду того, что при тогдашних обстоятельствах трудно найти было из высших классов 500 кандидатов, как требовал того закон 487/86 г. (*Fabricius E. Das Wahlgesetz des Aristides // Rheinisches Museum für Philologie. Bd. LI. 1896*).

⁹² В «Афинской политике» Аристотеля Фемистокл выводится действующим лицом при проведении Эфиальтовой реформы ареопага в 462/61 г. Но это противоречит хронологическим данным и свидетельству других источников. Подробности – в моей статье: *Бузескул В.П. Фемистокл и Эфиальтова реформа ареопага // ЖМНП. 1891, июль; также см.: Бузескул В.П. Афинская Политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895. С. 418 сл.*

Сын Мильтиада, Кимон, принадлежал к тому поколению, которое во дни своей юности принимало деятельное участие в защите своей родины от персов, и он всецело был одушевлен тем патриотическим пылом, тем энтузиазмом, который охватил тогда лучшую часть афинского общества. В тот момент, когда полчища Ксеркса угрожали Афинам и когда Фемистокл указывал гражданам на корабли как на единственное средство спасения и единственную надежду на победу, а масса в страхе и сомнении колебалась последовать такому совету, в этот момент Кимон, говорит Плутарх, первый подал пример: сопровождаемый своими друзьями, он направился к акрополю, с конской уздой в руках, посвятил в храме эту узду богине, а взамен не взял себе один «из висевших там щитов и, принеся молитву, сошел к морю, к кораблям, показав таким образом, что не в коннице теперь нуждается отечество, а во флоте. Вскоре затем мы видим его уже деятельным помощником и правой рукой Аристида при переходе гегемонии на море к афинянам и при образовании Делосского союза: именно Кимону наряду с Аристидом принадлежит здесь главная заслуга; влиянию его симпатичной личности Афины многим обязаны. А ряд побед на море и на суше, в особенности над национальным врагом эллинов, персами, окончательное очищение от них берегов Фракии, Геллеспонта и Босфора, наконец двойная победа, над персидским флотом и сухопутным войском, у устьев Эвримедонта – все это доставило Кимону славу непобедимого полководца и вместе с тем влияние на общий ход политической жизни Афин.

Но истинным призванием Кимона была и оставалась война. Тут он чувствовал себя в своей сфере; тут проявлялись его блестящие качества и дарования полководца. Вообще Кимон был типом истого воина, со всеми его слабостями и достоинствами. Высокий, статный, с густыми кудрями, это был действительно в своем роде «рыцарь без страха и упрека»⁹³, беззаветно храбрый, умевший воодушевить, увлечь и других. Доступный и простой в обращении, открытый и прямой, веселый товарищ в приятельском кругу, он владел тайной располагать к себе сердца и приобретать друзей. Но образованием Кимон далеко не отличался и в противоположность большинству афинян не учился даже музыке. Впрочем, все это ему не мешало сближаться с художниками, например с Полигнотом, и со своей стороны оказывать содействие художественному развитию и украшению Афин. Некоторым природным даром слова он, быть может, и обладал; но талант и искусство настоящего оратора и та чисто афинская велеречивость, которая так отличала его соотечественников, были ему чужды. В этом отношении Кимон скорее напоминал спартанца, на которого походил и простотой своей обыденной жизни. Но, ведя обыкновенно чрезвычайно простой образ жизни, Кимон далеко не был врагом удовольствий и наслаждений – особенно предавался он им в молодости, – любил веселые пиры и отличался склонностью к женщинам. Кимон обладал большим богатством и отличался необыкновенной щедростью. Известны рассказы о ней, характеризующие вместе с тем и его демагогические приемы. Вообще Кимон без труда приобретал популярность, умел легко и непринужденно сближаться с народом и в лучшие годы своей жизни был народным любимцем. Сами комики щадили и даже прославляли его.

Отсюда уже видно, что аристократизм Кимона, в сущности, был довольно умеренный. Кимон имел в себе нечто плебейское. Это не был человек партии в строгом смысле слова. Ведя борьбу с Фемистоклом, а затем с Периклом и Эфиальтом, Кимон не думал, однако, о перевороте в смысле возвращения к прежнему, полному преобладанию аристократии: он желал лишь приостановить, задержать дальнейшее развитие демократии и восставал против нововведений, слишком, по его мнению, расширявших права и значение демоса. Выражаясь современным языком, Кимона можно было бы назвать консерватором, но не реакционером.

Но замечательно, что Кимон невольно, вопреки даже своему желанию, содействовал развитию таких явлений и усилению таких элементов, в подавлении которых, казалось, должна

⁹³ *Oncken W. Athen und Hellas. Bd. I. Leipzig, 1865. S. 89.*

была состоять его задача в качестве вождя партии аристократической, – например усилению элемента демократического. Способствовал он этому уже самими своими морскими победами, одерживаемыми им во главе того флота, где такую роль играли граждане четвертого класса; способствовал он усилению демократического духа до некоторой степени и своим обращением, своей щедростью, своими чисто демагогическими приемами. Мало того, поведение Кимона, который сам в известном смысле был представителем и поклонником «доброе старое время» и старых нравов, должно было, в сущности, вести к деморализации афинского демоса.

Кимон, сказали мы, всецело проникнут был патриотическим воодушевлением времен борьбы за свободу Эллады. Его стремления были панэллинские. Он живо сознавал единство всего греческого мира и всеми силами старался поддержать единение между греками. К самой Спарте, сопернице Афин, он относился с таким уважением и с таким сочувствием, что его не без основания упрекали в излишнем «лаконизме». Он был большой поклонник всего спартанского и не раз своим соотечественникам ставил в пример лакедемонян как образец, достойный подражания. Кимон мечтал не о борьбе Афин со Спартой, не о полном торжестве первых над второй, а о тесном и искреннем союзе их. И к другим грекам он был дружественно расположен. К союзникам относился тоже хорошо, избегал насилия по отношению к ним, и в то время как остальные афинские военачальники требовали от них точного исполнения принятых обязательств – доставления людей и кораблей, что для союзников казалось уже обременительным, Кимон соглашался, чтобы они взамен этого представляли денежные взносы. Зато войну с персами, в борьбе с которыми прошли лучшие его годы и победы над которыми составили его славу, он считал главной задачей афинян, главным делом своей жизни. «Мир с греками, борьба с Персией» – такова была его программа.

И тут результаты деятельности Кимона оказывались в известном смысле противоположными его стремлениям и ожиданиям: так, своими победами он со своей стороны подготавливал будущий разрыв со Спартой, так как Спарта не могла равнодушно смотреть на непомерное возвышение своего соперника, а Афины в свою очередь, сознавая и даже преувеличивая свои силы, начинали думать об окончательном оттеснении Спарты на второй план. А соглашаясь на то, чтобы союзники вместо флота доставляли деньги, Кимон тем самым невольно содействовал большему их порабощению и недовольству в будущем, превращению афинской гегемонии в полное владычество, и ему же пришлось быть свидетелем и усмирителем первых восстаний союзников. Вообще Кимон, обладавший всеми качествами хорошего воина и полководца, оказывался недалеким в политике; тут обнаруживались его слабые стороны.

Таков Кимон, глава аристократической партии.

Как вождь демоса, как борец за его права, в Афинах в 60-х гг. на первом месте стоял Эфиальт.

Дошедшие до нас известия о нем отрывочны и скудны, но все они сходятся в признании, что это был один из лучших людей Древних Афин – твердый, бескорыстный, идеально честный. В этом отношении его имя ставили наряду с именем Аристида. По выражению Аристотеля, Эфиальт слыл «неподкупным и справедливым в политическом отношении». Он не обогащался на счет государственных средств, как большинство других государственных деятелей Афин, и сошел в могилу таким же бедняком, каким он был всю свою жизнь, гордясь своей бедностью и отвергая всякую помощь даже со стороны друзей. В своей общественной деятельности Эфиальт представляется нам своего рода народным трибуном: это был воодушевленный и красноречивый «простат» демоса, всецело преданный его интересам, гроза олигархов, неумолимый преследователь тех должностных лиц, которые позволяли себе какие-либо злоупотребления или несправедливости по отношению к народу.

Заодно с Эфиальтом действовал Перикл, его единомышленник и друг, но он пока оставался на втором плане; первенствующее положение он занял лишь с середины V в.

Один из эпизодов тогдашней борьбы – процесс Кимона после покорения восставшего Фасоса (463 г.). Кимона обвиняли в том, что он, будто бы подкупленный, не воспользовался удобным случаем для вторжения в Македонию. Но время для низвержения Кимона, находившегося в апогее своей славы, еще не пришло; он был оправдан.

Вскоре представился другой, более важный повод к столкновению между противными партиями, когда обеим сторонам приходилось помериться своими силами. То была просьба спартанцев о помощи против восставших периеков и илотов, или мессенцев, оплотом для которых служила знаменитая в преданиях прежних Мессенских войн Итома. Тут должны были столкнуться две противоположные политические программы. Аристократы были на стороне Спарты: Спарта казалась идеалом строго-аристократической республики, примером неизблемости государственного строя, с одним господствующим сословием; она была исконным, деятельным врагом демократии во всех ее видах и оплотом элементов аристократических. Наоборот, вожди демократической партии не могли питать симпатий к Спарте. Они являлись продолжателями дела Фемистокла, видели враждебное отношение Спарты к возрастающему могуществу Афин и сознавали, что нечего уже рассчитывать на искреннее сближение двух соперничающих государств. Как раз перед тем Спарта обещала свою поддержку восставшему против афинян Фасосу, и только постигшее ее землетрясение и затем восстание мессенцев помешали оказать эту поддержку. Несмотря на все это, Кимон остался верен своим симпатиям и своей программе. Сам проникнутый всецело воспоминаниями о патриотической борьбе времен персидского нашествия, он и афинянам теперь напоминал об этих временах, о союзе со Спартой, об еще недавней общей их борьбе с «варварами». Он молил народное собрание не допускать, «чтобы Эллада стала хромать на одну ногу, а Афины остались без сотоварища по ярму». Тщетно против помощи Спарте восставал Эфиальт; тщетно он доказывал, что следует предоставить Спарте, этого врага Афин, ее участи: Кимон восторжествовал. Решено было помочь спартанцам, и сам Кимон во главе четырехтысячного отряда отправился в Пелопоннес.

Однако спартанцы вскоре с подозрением отнеслись к своим афинским союзникам и отпустили их, заявив, что больше не нуждаются в них.

Велико было негодование афинян на Спарту! После этого авторитет и влияние Кимона, политика которого потерпела такую жалкую неудачу, и значение всей аристократической партии естественно должны были пасть: в общественно-политической жизни Афин должно было возобладать другое, противоположное течение – демократическое.

Таким образом, все эти события отразились тотчас же и на ходе внутренней борьбы, переживаемой тогда Афинами: с ними связана так называемая *Эфиальтова реформа*, касавшаяся *ареопага*.

Реформа ареопага. Суд присяжных, совет и народное собрание

Трудно в точности обозначить права и функции ареопага: по всей вероятности, они и не были ясно определены, и сама эта неопределенность могла в свою очередь способствовать расширению сферы влияния ареопага. По выражению одного древнего свидетельства, почти все дела по проступкам и нарушениям закона подлежали его ведению. Но ареопаг был не только высшим судилищем: это был в известном смысле государственный совет и учреждение с религиозным характером, с полицейской и цензорской властью, а главное – с большим политическим влиянием: ареопагу принадлежала высшая контролирующая власть над действиями должностных лиц и даже над самой еkkлeсией, народным собранием: он был «всеобщим блюстителем и стражем законов»; он пользовался правом veto по отношению к постановлениям народного собрания и, следовательно, влиял на весь ход государственной жизни.

В силу своей древности окруженный особым нимбом, по преданию – создание самих богов и судилище, перед которое являлись даже сами бессмертные, составленный из избран-

ных лиц – бывших архонтов, с честью исполнявших свой долг, – ареопаг долго обладал особенным нравственным авторитетом. В чрезвычайных случаях он мог прибегать и к чрезвычайным мерам. Во время борьбы с персами за независимость, особенно в момент вторжения Ксеркса, ареопаг, поддерживая Фемистокла, проявил энергию и патриотизм, что, конечно, еще более подняло его нравственное влияние и авторитет, так что годы от Саламинской битвы до начатой Эфиальтом борьбы Аристотель в «Афинской политике» выделяет даже в особый период главенства ареопага – главенства, при котором, говорит он, дела афинян шли хорошо; афиняне имели успех в войне и приобрели славу среди эллинов.

Таким образом, как раз в то время, когда в Афинах особенно усиливается демократический элемент, возвышается и ареопаг, представитель другого, противоположного начала. Но главенство ареопага, о котором говорит Аристотель, продолжалось только около 17 лет, мало-помалу клонясь к упадку: оно не могло быть продолжительным, оно противоречило общему ходу и направлению афинской истории. Между ареопагом, этим воплощением и блюстителем старины, этим оплотом и средоточием партии аристократической, и господствовавшим тогда в Афинах демократическим направлением столкновение было неминуемо. Коллегия, по самой своей сущности чисто аристократическая, ареопаг, со своими пожизненными и не подлежащими ответу членами, стоял теперь одиноко среди других учреждений Афин, составляя резкий контраст остальному строю этой демократической республики с ежегодно избираемыми и ответственными должностными лицами. Многие из тех прав, которыми пользовался ареопаг – особенно право *veto*, – оказывались ненавистным и лишним тормозом для окрепнувшей демократии и казались уже анахронизмом. Новые идеи с трудом проникали в ареопаг; новые интересы и новые стремления, которыми жило афинское общество, были чужды, не понятны ареопагитам, людям большей частью престарелым, представителям уже отживших поколений. Обновление состава ареопага совершалось медленно; долго еще большинство состояло из прежних архонтов, вышедших из рядов первого класса; а главное – дух, царивший в этом учреждении, был слишком могуществен, и вновь вступающие члены, представители хотя бы и других общественных слоев и других воззрений, подчинялись в свою очередь этому духу. Тут действовали своего рода *esprit de corps* и строгая, выработанная в течение долгого ряда поколений традиция. Изменить ей, отступить от установившегося направления – это был такой предосудительный для ареопагита поступок, на который редко кто из новых членов имел смелость решиться. Притом даже те, кто честно исполнял свою обязанность в качестве архонта, подвергались докимасии перед ареопагом, прежде чем вступить в него, и понятно, что ареопагиты, вероятно, тщательно старались не допускать в свою среду лиц, известных за особенно ревностных демократов. Докимасия тут могла легко обратиться в подбор единомышленников. Среди происходившей в Афинах внутренней борьбы ареопаг являлся не бесстрастным зрителем или посредником, а представителем и органом партии, главным средоточием и оплотом всего, что было враждебно дальнейшему росту демократии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.